

809

К-81

БИБЛИОТЕКА

Ирбитского Городского Общества

Хронологическ катал. № 370

Отдѣлъ десятый. 7

Систем. катал. 49

Цена по каталогу

БИБЛИОТЕКА
Иркутского Городского Общества
Хронологическ. катал. № 366
Отдѣлъ седьмой
Русск. катал. № 19
Цена по каталогу 54к

Иль. 6917

Записки
Записки

809.
K81.1

6 0

Учб. 6414
88.3 (2Рос = Рус)
П 62

Б О И
L

2
Л. Н. Толстой 53
891.7 - 0
94 7-5/1

5804

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ

РЪВЕРЕНС

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

„ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ“

(Критическій разборъ).

ИЗДАНИЕ

И

8

муниципальное казенное учреждение культуры Муниципального образования город Ирбит «Библиотечная система»

Кр. н. № 370

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17.

1894.

17
11

83.3 (2 Рос = Рус)
П 62

АРХИВЪ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ОТД. III
№ 14

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

„ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ“

(Критическій разборъ).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17.
1894.

ПОДЪЯВЛЕН СЪДЪРЖАНИЕ

1894 г.

„ПАРСТВО БОЖІЕ ВНАГЪМ ВАСЪ“

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1894 годъ.

Въ Москвѣ, въ Типографіи „Вѣра и Разумъ“

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

„ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ“.

„Были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ паучьныя ереси и, отвергавъ исповѣданіе изъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую побибель. И многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи“. 2 Петр. 2, 1—2.

Въ этомъ году Толстой выпустилъ въ свѣтъ новое сочиненіе, „Царство Божіе внутри васъ или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе“ ¹⁾.

¹⁾ Появленіе этого сочиненія Толстого въ свѣтъ уже отмѣчено въ нашей русской періодической печати. Вотъ что по этому поводу говоритъ А. Митякинъ въ № 6. Церковнаго Вѣстника отъ 10 февраля н. г. стр. 85—86: «Ставъ на ложную дорогу, нашъ писатель (т. е. Л. Н. Толстой) съ достойною лучшаго дѣла настойчивостью пошелъ все дальше и дальше, и въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ положительно пришелъ къ бездну чисто анархическаго міросозерцанія. Въ послѣднее время на англійскомъ языкѣ появилось новое его сочиненіе, которое очевидно имѣетъ своею цѣлю систематизировать въ одно цѣльное міровоззрѣніе всѣ разбросанныя имъ въ прежнихъ религіозно-философскихъ сочиненіяхъ мнѣнія. Это двухтомное сочиненіе явилось подъ заглавіемъ: *Царство Божіе внутри васъ есть*. Мы еще не успѣли ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ въ его полномъ видѣ, но часть его (въ видѣ извлеченія) напечатана въ январской книжкѣ англійскаго журнала «Новое Обзоріе» (The New Review), и по этой части можно судить и о цѣломъ. И читая это извлеченіе, не знаешь, чему больше удивляться этому ли *высокомѣрному упорству*, съ которымъ писатель продолжаетъ утверждать и отстаивать очевидно ложныя положенія, или той печальной безвыходности, въ которой оказался авторъ, увлеченный ложной идеей и запутавшійся въ тѣняхъ недомыслия и джеудрованія, изъ которыхъ онъ не находитъ уже возможности выпутаться иначе, какъ разсѣкая ихъ мечемъ *чисто анархическаго, все отрицающаго мышленія*. Въ рассматриваемой статьѣ Толстой усиливается отстоять свое ученіе о «непротивленіи злу» отъ выставленныхъ противъ него возраженій, и от-

Еще недавно, при посредствѣ газетъ, Толстой сдѣлалъ публичное заявленіе, что изданіе своихъ сочиненій послѣдняго времени онъ предоставляетъ всѣмъ и каждому. Между тѣмъ на обложкѣ новаго сочиненія Толстого, заглавіе котораго мы выписали, ясно сказано, что „единственное, авторомъ разрѣшенное изданіе“ этого сочиненія принадлежитъ только Берлинскому Библіографическому Бюро. Какъ понимать это разногласіе,—мы не знаемъ; но таково первое впечатлѣніе, получаемое отъ самой обложки послѣдняго сочиненія Толстого.

Это сочиненіе Толстого издано въ двухъ частяхъ, хотя содержаніе его не даетъ никакого повода для такого дѣленія, почему вторая часть и начинается не съ 1-й, а съ 9-й главы. Съ одинаковымъ основаніемъ его можно было бы издать и въ

становяется не такъ, какъ это дѣлается въ серьезной полемикѣ или критикѣ, а съ непостижимымъ высокомеріемъ умственной непогрѣшимости, такъ что читатели обязаны на слово вѣрить графу, что истина всецѣло на его сторонѣ, а всѣ его противники—лжецы и безстыдные ханжы. По его воззрѣнію, всѣ существующія церкви основаны на лжи, а всѣ служители ихъ—лицемѣры, сознательно или несознательно поддерживающіе эту ложь. Но мало того, не только церкви, а и всѣ христіанскія государства съ ихъ теперешнимъ социальнымъ строемъ—тоже основаны на лжи, и вся де задача государственныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать эту ложь и, становясь на сторону угнетателей всякаго рода, помогать имъ держать подъ собою угнетенную ропшущую массу, изъ опасенія, что она *освободившись, первымъ дѣломъ возьметъ за горло своихъ уметателей*. Мы уже не приводимъ тѣхъ подробностей, которыми Толстой доказываетъ эти свои общія положенія,—не приводимъ просто потому, что щадимъ репутацію нашего писателя. Если бы подъ этой статьёй не стояло полного имени нашего писателя, то положительно можно бы подумать, что *авторъ ея какой нибудь умственно-развращенный анархистъ*, который, нахватавшись общихъ фразъ изъ летучихъ *анархистскихъ* листовъ, съ безшабашною *убѣжденностью* въ непогрѣшимости излагаетъ ихъ въ поученіе *«неодному» человечеству*... Все это было бы вполне къ лицу какому—нибудь дикому *«Steppiak'у»*, подвизающемуся въ англійскихъ журналахъ на поприщѣ мороченія англійской публики расписываніемъ идеальныхъ задачъ *нигилизма*, но положительно нехѣло звучитъ въ устахъ такого почтеннаго писателя, какъ графъ Л. Н. Толстой.—Мы вполне раздѣляемъ этотъ вѣрный и совершенно безпристрастный взглядъ на послѣднее сочиненіе Толстого; но къ сожалѣнію, въ настоящее время положеніе дѣла значительно измѣнилось къ худшему: сочиненіе Толстого уже издано и на русскомъ языкѣ, и усердно распространяется, какъ мы знаемъ изъ документальныхъ данныхъ, не только вообще среди русскаго общества, но въ особенности—среди рабочихъ и крестьянъ. Вотъ почему мы рѣшаемся подвергнуть его болѣе внимательной и обстоятельной критикѣ. Пропаганда ученія Толстого ведется настолько энергично, что его противообщественныя и противогосударственныя идеи не составляютъ уже тайны ни для кого...

трехъ и четырехъ и даже десяти частяхъ. Предисловіе озаглавлено такъ: „Ученіе Христа и общая воинская повинность“. Въ первой главѣ Толстой хотѣлъ бы провести ту мысль, что „ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства (будто бы) исповѣдывалось и исповѣдуются меньшинствомъ людей“. Во второй главѣ онъ приводитъ сужденія критиковъ его ученія. Въ третьей—онъ хочетъ указать причины мнимаго „непониманія христіанства людьми вѣрующими“. Въ четвертой—онъ отыскиваетъ причины „непониманія христіанства людьми научными“. Въ пятой главѣ Толстой въ сотый разъ знакомитъ своихъ читателей съ „противорѣчіями нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ“. Въ шестой онъ касается „отношенія людей нашего міра къ войнѣ“. Въ седьмой—Толстой указываетъ на то, какое величайшее зло причиняетъ людямъ „общая воинская повинность“, въ восьмой—онъ убѣждаетъ своихъ читателей въ „неизбѣжности принятія христіанскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ людьми (должно быть, *надъ* людьми или *со стороны* людей?) нашего міра“. Во второй части своего новаго сочиненія, которая, какъ мы сказали уже, прямо начинается девятою главою, Толстой доказываетъ 1) что только „принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей языческой жизни“ (гл. IX). 2) что государственная власть безсильна въ дѣлѣ уничтоженія зла и что нравственное движеніе человечества совершается не только черезъ познаніе истины, но и черезъ установленіе общественнаго мнѣнія (гл. X), которое по его словамъ, уже зародилось въ нашемъ обществѣ и неизбежно разрушитъ насильническое устройство нашей жизни (гл. XI). Въ „заключеніи“, расписавъ мнимую или дѣйствительную исторію усмиренія голодающихъ крестьянъ, Толстой дѣлаетъ выводъ изъ всѣхъ своихъ предшествовавшихъ разсужденій,—что все зло нашей жизни коренится въ существующемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, въ уничтоженіи же его—наше счастье.

Уже изъ указаннаго нами общаго содержанія новаго произведенія Толстого для каждаго, знакомаго со лжеученіемъ нашего мнимаго философа по его прежнимъ сочиненіямъ, ясно, что ни-

чего *новаго* въ немъ нѣтъ: то же ложное пониманіе христіанскаго ученія о непротивленіи злу, тѣ же анархическія нападки на государственную власть, то же указаніе на войско и т. д. Но ничего новаго не найдетъ читатель и при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ: та же склонность къ обобщеніямъ случайныхъ единичныхъ явленій до общихъ положеній, то же проявленіе на каждой страницѣ по истинѣ безграничной сатанинской гордости, высокомерія, самолюбія графа, облеченнаго въ философскую мантию, та же крайняя враждебность къ христіанской церкви, государству, верховной власти и ея носителямъ, та же способность видѣть у всѣхъ, кромѣ себя и своихъ послѣдователей, все безсовѣстное, гадкое, пошлое и безнравственное—ложь, подкупъ, лицемеріе; какъ въ прежнихъ, такъ и въ этомъ сочиненіи Толстой не брезгаетъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей: клевететь, лжетъ, подтасовываетъ, извращаетъ... Въ этомъ сочиненіи также замѣтно прямое заимствованіе крайнихъ и одностороннихъ выводовъ почти изъ всѣхъ философскихъ направленій—пантеизма, пессимизма, детерминизма, социализма и даже анархизма, и—совершенное отсутствіе какого-бы то ни было цѣльнаго систематическаго міровоззрѣнія. Здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ послѣдняго времени, слова: „Богъ“, „Христосъ“, „христіанство“, „христіанскій“ Толстой также употребляетъ во все не въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ и какой они должны имѣть, а—даже въ совершенно противоположномъ ему. Кошунство, неуваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, пошлость изложенія съ употребленіемъ, на примѣръ, такихъ словъ, какъ зад.ца и т. п., читатель встрѣчаетъ на каждой страницѣ этого *новаго* сочиненія нашего самороднаго философа и богослова...

Если же что либо *новое* и можно найти въ этомъ сочиненіи Толстого въ сравненіи съ его прежними сочиненіями, то оно говоритъ только не въ пользу своего автора. Во-первыхъ сочиненіе это изобилуетъ ссылками на мнѣнія лицъ, которыя являются для Толстого авторитетами,—ясное доказательство, что, при всей своей гордости и фарисейскомъ высокомеріи, Толстой уже почувствовалъ свою слабость и неувѣренность въ

своемъ ученіи. Во-вторыхъ въ настоящемъ сочиненіи Толстой прибѣгаетъ къ приемамъ недостойнымъ серьезнаго мыслителя. Какъ извѣстно, наше правительство весьма гуманно относится къ Толстому и толстовцамъ, считая этихъ людей если не душевно-больными, то безвредными утопистами и мечтателями. Толстой *можно* истолковываетъ этотъ гуманный образъ дѣйствія правительства его робостью, трусостью, тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ которое оно поставлено толстовцами и Толстымъ. „Правительства,—говоритъ онъ ¹⁾,—передъ отказами *христіанъ* (т. е. передъ отказами *толстовцевъ* отъ исполненія гражданскихъ обязанностей) находятся въ отчаянномъ положеніи. Они видятъ, что пророчество христіанства (т. е. ученія Толстого) сбывается; оно разрываетъ узы скованныхъ и освобождаетъ людей, находящихся въ неволѣ (правительства), и видятъ, что это освобожденіе неизбежно должно уничтожить тѣхъ, которые держатъ другихъ въ неволѣ (т. е. правителей). Правительства видятъ это, знаютъ, что часы ихъ сочтены и ничего не могутъ сдѣлать. Все, что они могутъ сдѣлать для своего спасенія, это только то, чтобы отсрочить часъ своей гибели. Они и дѣлаютъ это, но положеніе ихъ все таки отчаянное... Дѣло—продолжаетъ Толстой ²⁾,—зашло уже слишкомъ далеко: правительства чувствуютъ уже свою беззащитность и слабость, и пробуждающіеся отъ усыпленія люди христіанскаго сознанія (т. е. толстовцы) уже начинаютъ чувствовать свою силу“. Какова эта сила и какъ она будто-бы грозна для правительства, Толстой указываетъ во многихъ мѣстахъ этого сочиненія. „Соціалисты, коммунисты, анархисты съ своими бомбами, бунтами и революціями далеко не такъ страшны правительствамъ,—говоритъ Толстой ³⁾,—какъ эти разрозненные (?) люди, съ разныхъ сторонъ заявляющіе свои отказы (повиноваться требованіямъ правительства) на основаніи одного и того же всѣмъ знакомаго ученія“. Чтобы лучше убѣдить своихъ послѣдователей—не исполнять своихъ государственныхъ обязанностей Толстой приводитъ въ своемъ новомъ произведе-

1) Ч. II стр. 35—36.

2) Ч. II стр. 37.

3) Ч. II стр. 30.

нии целый рядъ примѣровъ, когда такое неисполненіе толстовцами гражданскихъ обязанностей оставалось безнаказаннымъ по слабости и робости правительства. Такъ, при наступленіи новаго царствованія, многіе изъ послѣдователей Толстого отказались присягать въ вѣрности новому правительству. Этѣхъ людей, по словамъ Толстого, призывали къ становымъ, исправникамъ, священникамъ, губернаторамъ, увѣщевали, упрашивали (?), угрожали и наказывали, но они остались при своемъ рѣшеніи и не присягали. И среди миллионовъ присягавшихъ, говоритъ Толстой ¹⁾, живутъ десятки неприсягавшихъ. И ихъ спрашиваютъ: какъ-же вы не присягали?—Такъ и не присягали.—И что-же, ничего?—Ничего²⁾. Другіе примѣры. Многіе крестьяне, по словамъ Толстого, отказываются платить подати, слѣдуя его ученію. „Что-же, такъ и не заплатилъ податъ?—Не заплатилъ.—И что-же, ничего?—Ничего“ ³⁾. Другіе отказываются исполнять полицейскія обязанности сотскихъ, десятскихъ и т. п. Этѣхъ крестьянъ, говоритъ Толстой ³⁾, ругаютъ, бьютъ, сажаютъ въ заключеніе, но они остаются при своемъ рѣшеніи... И ихъ перестаютъ выбирать въ сотскіе. И опять ничего⁴⁾.—Послѣдователи Толстого отказываются участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. „Людей этѣхъ, говоритъ Толстой ⁴⁾, штрафуютъ, стараясь не давать имъ публично высказать мотивы отказа и замѣняютъ другими. Точно такъ-же повторяютъ и съ тѣми, которые на тѣхъ же основаніяхъ отказываются быть на судѣ свидѣтелями. И то-же ничего“.—Молодые люди, усвоивъ ученіе Толстого, отказываются поступать въ военную службу и то-же остаются безнаказанными. Во всѣхъ этѣхъ случаяхъ, правительство будто-бы только явно обнаруживаетъ свое безсиліе и робость. Одинъ молодой человѣкъ, по словамъ Толстого, въ Московской Думѣ публично отказался отъ военной службы. Сначала его увѣщевали, потомъ посадили въ домъ умалишенныхъ, наконецъ предали суду, который приговорилъ его къ заключенію въ военной тюрьмѣ на два года. „Тамъ его мучаютъ

1) Ч. II стр. 21.

2) Стр. 22.

3) Стр. 23.

4) Ibid.

полтора года, говорит Толстой ¹⁾),—но онъ все таки не измѣняетъ своего рѣшенія не брать въ руки оружія, и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится быть въ сношеніяхъ, объясняетъ, почему онъ этого не дѣлаетъ, и въ концѣ второго года его отпускаютъ на свободу раньше срока, зачисливъ, противно закону, содержаніе въ тюрьмѣ за службу, желая только поскорѣе отдѣлаться отъ него“. Такихъ случаевъ въ Россіи уже много, „и во всѣхъ этихъ случаяхъ, говорит Толстой ²⁾),—образъ дѣйствія правительства тотъ-же робкій, неопредѣленный и скрытый“.

Толстой прекрасно знаетъ и даже открыто говоритъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о томъ, какой вредъ причиняетъ себѣ правительство своею гуманностію и снисходительностію къ толстовцамъ и насколько оно само содѣйствуетъ этимъ Толстому въ расшатываніи устоевъ нашей государственной жизни и подготовленіи почвы для событій, которыя могутъ принять страшные размѣры. „Казалось бы, говорит онъ ³⁾), нѣтъ ничего важнаго въ этихъ явленіяхъ (открытаго неповиновенія правительству), а между тѣмъ эти-то явленія болѣе всего другаго подрываютъ власть государства и готовятъ освобожденіе людей... И правительства знаютъ это и боятся этихъ явленій больше всѣхъ социалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ и ихъ заговоровъ, съ динамитными бомбами“.

И такъ, вотъ еще къ какимъ приемамъ рѣшился обратиться Толстой въ своемъ послѣднемъ сочиненіи для дѣятельной пропаганды своего лжеученія. Эти приемы науськиванія уже не достойны серьезнаго мыслителя; они свойственны только народнымъ подстрекателямъ, бунтарямъ, социалистамъ, нигилистамъ и анархистамъ „съ ихъ заговорами и динамитными бомбами“. Толстой знаетъ, что кругъ его читателей и послѣдователей состоитъ не только изъ образованныхъ людей, способныхъ критически относиться къ тому, что они читаютъ, а и изъ крестьянъ малограмотныхъ и даже совершенно безграмотныхъ. Толстому, конечно, извѣстно, что и его послѣднее сочиненіе, подобно прежнимъ, уже разослано по селамъ этимъ несчастнымъ

1) Стр. 28.

2) Стр. 28.

3) Стр. 20.

людямъ, съ просьбою, что бы полуграмотные читали его неграмотнымъ. Это фактъ, документальныя доказательства котораго находятся даже и въ нашихъ рукахъ. Правда между Толстымъ и французскими анархистами еще есть нѣкоторая разница: онъ *пока* еще говорить только объ уничтоженіи государственнаго устройства *мирнымъ путемъ*, а не динамитными бомбами и разрывными снарядами. Но вѣдь это, быть можетъ, только *пока*. Толстой одобрительно отзывается о тѣхъ людяхъ, которые мѣняютъ свои убѣжденія; самъ же онъ, какъ замѣтили уже и иностранныя писатели, мѣняетъ свои убѣжденія съ каждою новою книжкою. Богъ знаетъ, что онъ скажетъ въ своей книгѣ, которая явится въ слѣдующемъ году; а почву для „освобожденія людей отъ государства“ онъ дѣйствительно подготовилъ уже надлежащимъ образомъ въ той крестьянской, темной и невѣжественной средѣ, которую онъ постоянно электризуетъ и своими книжками, и чрезъ своихъ посланниковъ, и своими личными посѣщеніями съ проповѣдью объ отказѣ отъ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей...

„Непротивленіе злу“ у толстовцевъ—пустая фраза, у Толстого—хитрый маневръ. Въ этомъ мы положительно убѣждены. Подъ настоящею нашею статьею не будетъ выставлено имя автора. И вотъ почему. Три года тому назадъ одинъ нашъ знакомый высказалъ неодобрительный отзывъ объ ученіи Толстого, напечатавъ его въ газетѣ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ толстовцевъ изъ разныхъ мѣстъ тридцать два письма, въ которыхъ ему угрожали всѣми ужасами *насилія*—отъ обѣщанія „плюнуть въ рожу“ до намѣренія „избить безъ пощады“. Письма эти, конечно, его нисколько не обидѣли; напротивъ, они были лучшимъ одобреніемъ его отзыва объ ученіи Толстого, лучшею похвалою его труду и доказательствомъ того, что лжеученіе Толстого имъ оцѣнено было вѣрно. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, которыя мы видѣли лично, были составлены даже отъ имени цѣлаго „общества послѣдователей Толстого“ или „толстовцевъ“¹⁾. И мы нисколько не были удивлены такимъ пове-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 2 марта 1891 г. послѣ изверженія самой отборной уличной брани „Толстовцевъ“, между прочимъ, пишетъ: «Тебя, негодяя, конечно, слова не убѣдятъ. Ты—душа продажная! Но знай, что на тебя уже и палки готовы.

деніемъ учениковъ Толстого. Въ нагорной проповѣди, о которой такъ много говорить Толстой въ своихъ книжкахъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ ясно сказалъ: „По плодамъ ихъ узнаете ихъ—лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные... Худое дерево приноситъ и плоды худые; не можетъ дерево худое приносить плоды добрые“. Еслибы Толстой училъ о *непротивленіи злу насиліемъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ книжкахъ, то его ученики никого бы не намѣревались *избивать*... Чтобы не ставить снова толстовцевъ въ ложное положеніе къ ихъ мнимому основному принципу, мы не желаемъ здѣсь называть своего имени, а объ ихъ письмахъ упоминаемъ лишь для того, чтобы показать читателямъ, что толстовцы способны оказывать противленіе не только насиліемъ вообще, но и насиліемъ въ самой грубой формѣ.

Впрочемъ, странныхъ логическихъ противорѣчій и недостойныхъ серьезнаго мыслителя приемовъ въ послѣднемъ сочиненіи Толстого весьма много; но мы отмѣтимъ ихъ въ свое время, при самомъ разборѣ сочиненія. Теперь мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, что необходимо имѣть читателю въ виду, если онъ пожелаетъ вмѣстѣ съ нами ближе и въ послѣдовательномъ порядкѣ разсмотрѣть все содержаніе новаго сочиненія Толстого.

Какъ увидитъ читатель, Толстой почти на каждой страницѣ своего сочиненія только одного себя называетъ истиннымъ христіаниномъ и только одно свое ученіе онъ признаетъ истиннымъ христіанствомъ. Званіе христіанина онъ готовъ, впрочемъ, даровать и своимъ послѣдователямъ, но не иначе, какъ подѣ

Изобьють, какъ собаку. Вѣдь у тебя ничего человѣческаго нѣтъ: все—собачье, и лаешь какъ собака и на лапкахъ служишь... Въ письмѣ отъ 5 марта того же года „Общество толстовцевъ“, также выругавшись по самоужнически, пишетъ: «Имѣй въ виду, что даромъ тебѣ не пройдетъ твой клеветы на Толстого! — Въ письмѣ отъ 7 марта того же года нѣкто, подписавшійся „однимъ изъ многихъ, ищущихъ правды“, пишетъ: «Благодарю тебя! Я тебя до сихъ поръ не зналъ, а теперь изъ статьи твоей имѣю понятіе, что ты за птица, и очень интересуюсь увидѣть тебя въ лицо и плюнуть»... Такими же перлами гуманности и челоуѣколюбія отличаются и всѣ остальные письма учениковъ Толстого, проповѣдующаго имъ *непротивленіе злу насиліемъ!*...

условіемъ проведенія въ жизнь его ученія. Всѣхъ другихъ христіанъ онъ, при наилучшемъ настроеніи духа, называетъ церковниками, а обыкновенно—они именуются у него ханжами, суевѣрами, лицемѣрами, идолопоклонниками. Но христіанинъ ли дѣйствительно Толстой? Душу человѣка знать, конечно, нельзя,—„кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ?“—говоритъ св. апостоль Павелъ. Но если судить по изданнымъ сочиненіямъ, то Толстой, безъ сомнѣнія, не только не христіанинъ, но даже грубый атеистъ и безбожникъ. Онъ не только не вѣритъ, но даже грубо и кощунственно издѣвается надъ ученіемъ, раскрытымъ въ Божественномъ Откровеніи,—„что Иисусъ есть Богъ Сынъ, который творилъ все до времени, что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхъ Адама, что Онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ“. Вѣдь всѣ эти положенія, выработанныя людьми IV вѣка (!) и имѣвшія для людей того времени извѣстный смысл,—говоритъ Толстой¹⁾),—для людей нашего времени не имѣютъ никакого. Люди нашего времени могутъ устами повторять эти слова, но вѣрить—не могутъ, потому что слова эти, какъ то, что Богъ живетъ на небѣ, что небо раскрылось и оттуда сказалъ голосъ что-то, что Христосъ воскресъ и *полетѣлъ куда-то* на небо и опять придетъ откуда-то на облакахъ и т. п. не имѣютъ для насъ смысла“. Въ Господа нашего Иисуса Христа, какъ Христа, какъ Помазанника, какъ обѣтованнаго Мессію, какъ Эммануила или Богочеловѣка Толстой не вѣруетъ; онъ знаетъ только Иисуса, какъ іудейскаго раввина, который сказалъ нѣсколько словъ о непротивленіи злу. Ясное дѣло, что Толстой можетъ называться, какъ ему угодно, но только не-христіаниномъ, такъ какъ онъ ко Христу не хочетъ имѣть никакого отношенія.

Но если Толстой не можетъ быть названъ христіаниномъ по его вѣрованіямъ, то еще менѣе онъ имѣетъ права на это названіе по своему поведенію. Въ одномъ мѣствѣ своего сочиненія онъ справедливо говоритъ, что признаками христіанина должны быть признаны—смиреніе, кротость, любовь. Но у Тол-

¹⁾ Ч. 1, стр. 115.

стого нѣтъ ни одной изъ этихъ добродѣтелей; напротивъ онъ является чрезмѣрнымъ гордецомъ, человѣкомъ крайне высоко-мѣрнымъ, въ высшей степени эгоистичнымъ, возненавидѣвшимъ весь міръ; по его сочиненіямъ,—онъ одинъ только во всемъ мірѣ хорошій и добродѣтельный человѣкъ; на каждой страницѣ любой своей книжки Толстой ясно говоритъ своему читателю, какъ фарисей въ притчѣ Спасителя: „я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи“. Всѣ высокопоставленные люди—министры, губернаторы, офицеры, всѣ чиновники, всѣ богачи, землевладѣльцы, священники, судебные прокуроры и судьи,—всѣ у него—безчестны, продажны, лгуны, обманщики, воры, грабители, обидчики, прелюбодѣи и пьяницы. Таковы же всѣ солдаты, педагоги, врачи... А простой народъ?—Да и простой народъ—дрянь! Одни одурманиваютъ себя табакомъ, другіе пьянствуютъ, развратничаютъ, а всѣ вообще—не христіане уже потому, что *жрутъ убойную тишу*. Въ этомъ отношеніи Толстой такъ обзываетъ жителей не одного какого-либо города, даже не одного какого-либо государства, а—всего міра. Всѣ, безъ исключенія всѣ—христопродавцы и мошенники; одинъ только онъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой,—и есть истинный христіанинъ! Здѣсь ли мѣсто рѣчи о христіанскомъ смиренномудріи и кротости? Одинъ только Толстой позналъ всю истину; одинъ только онъ знаетъ всѣ средства нравственнаго искупленія и спасенія; одинъ только онъ умѣетъ указать человѣчеству путь нравственнаго возрожденія; ему не нуженъ Спаситель, Искупитель, Христосъ. Онъ самъ—спаситель всего человѣчества... Дальше человѣческой гордости идти некуда: идолъ самому себѣ поставленъ; нужны лишь жрецы и поклонники...

Толстой называетъ себя христіаниномъ, т. е., ученикомъ или послѣдователемъ Христа; но онъ не имѣетъ никакого права на такое названіе и потому, что во всемъ противорѣчитъ ученію Иисуса Христа. Напр., Господь нашъ Иисусъ Христосъ однажды Самъ уплатилъ подать на храмъ Божій, хотя предварительно и ясно доказалъ Петру, что Онъ, какъ Сынъ Божій, долженъ быть свободнымъ отъ подати въ честь Бога, Отца Своего; Онъ въ этомъ случаѣ уплатилъ дань сборщикамъ для того, „чтобы не соблазнить ихъ“ (Мѡ. 17, 27). Въ другое время Христосъ

заповѣдалъ: „и такъ отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу“ (Мѣ. 22, 21; Марк. 12, 17; Лук. 20, 25). Толстой же по этому предмету учитъ своихъ послѣдователей такъ: никому ничего не давайте—ни кесарю, ни Богу,—все берите себѣ! И такъ Толстой вступаетъ въ противорѣчіе съ ученіемъ Иисуса Христа; но подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ еще въ свое время.

Къ книгамъ Св. Писанія Толстой то-же относится не такъ, какъ слѣдуетъ относиться христіанину, даже не такъ, какъ относятся къ нимъ честные и добросовѣстные ученые изъ невѣрующихъ. Послѣдніе предварительно подвергаютъ ихъ критикѣ и напередъ объявляютъ своимъ читателямъ, признаютъ ли они эти книги подлинными или нѣтъ, почему они признаютъ ихъ подлинными или отвергаютъ, находятъ ли гдѣ испорченность текста или нѣтъ и т. д. Ничего подобнаго нѣтъ у Толстого: у него господствуетъ полнѣйшій произволь, —подъ впечатлѣніемъ минуты онъ одно признаетъ истиннымъ, а другое отвергаетъ. А почему—на это у него нѣтъ никакого отвѣта.

Всѣ книги ветхаго завѣта Толстой съ презрѣніемъ бросаетъ отъ себя. А какъ въ этомъ отношеніи поступалъ и училъ Христосъ, ученикомъ Котораго считаетъ себя Толстой?—Ко всѣмъ книгамъ ветхаго завѣта Господь нашъ Иисусъ Христосъ всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ, какъ къ откровенію Бога, какъ къ книгамъ, возвѣщающимъ волю Божію и содержащимъ пророчества о Немъ Самомъ. „Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ, или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣбъ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота, или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все“. Христосъ никогда не говорилъ людямъ, что Онъ проповѣдуетъ ученіе не то, которое было возвѣщено Моисеемъ и пророками въ ветхомъ завѣтѣ. Напротивъ Онъ даже часто ссылается на единство своего ученія съ откровеніемъ ветхозавѣтнымъ, указываетъ на ветхозавѣтныя писанія, какъ на книги, содержащія ясныя доказательства Его Божественнаго посольства, и часто ставитъ Свое ученіе во внутреннюю, тѣсную и неразрывную связь съ ученіемъ ветхозавѣтнаго Откровенія. „Изслѣдуйте Писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣч-

ную. А они свидѣлствуютъ о Мнѣ. Не думайте, что Я буду обвинять васъ предъ Отцемъ: есть на васъ обвинитель Моисей, на котораго вы уповаете. Ибо если бы вѣровали Моисею, то повѣрили бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ. Если же его писаніямъ не вѣрите,—какъ повѣрите Моимъ словамъ?¹⁾ (Іоан. 5, 39, 45,—47). „О, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки! не такъ ли надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою? И начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ сказанное о Немъ во всемъ писаніи“ (Лук. 24, 25—27). Въ назаретской синагогѣ Іисусъ Христосъ, по свидѣтельству Евангелія, взявъ въ руки книгу пророка Ісаи и, „раскрывъ ее, нашель мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазаль Меня благовѣтствовать нищимъ, и послаль Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благоприятное. И закрывъ книгу, Онъ началъ говорить имъ: нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное вами“ (Лук. 4, 17—21). Исторію мѣднаго змія, о которой повѣствуетъ Моисей въ книгѣ Числь (21, 9), Спаситель Самъ поставилъ во внутреннюю прообразовательную связь съ Своимъ ученіемъ объ искупительномъ значеніи Своей крестной смерти (Іоан. 3, 14, 15; срв. 12, 32), повѣствованіе о маннѣ (Исх. 16, 14)—съ Своимъ ученіемъ о таинствѣ Евхаристіи (Іоан. 6, 31—56), исторію пророка Іоны—съ Своею смертію и воскресеніемъ; кромѣ того, по свидѣтельству евангельскихъ повѣствованій, Онъ не менѣе 37 разъ прямо ссылался на книги ветхозавѣтныхъ пророковъ для доказательства истинности Своего собственнаго ученія ¹⁾ „Заблуждаетесь, не зная писаній, ни силы Божіей“, говорилъ Христосъ саддукеямъ. „О воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы *реченнаго вамъ Богомъ*: Я Богъ Авраама, и Богъ Исаака,

¹⁾ Срв. Іоан. 6, 45; 7, 37; 8, 17, 10, 34; 13, 18; 15, 25; 17, 12; Мѡ. 4, 4; 7, 10; 11, 10; 12, 7; 13, 14—15; 15, 4; 7—9; 19, 4; 5; 18—19; 21, 16; 42; 22, 29—32; 43—45; 26, 31; Марк. 7, 6—7; 10; 10, 6; 19; 11, 17; 12, 10—11; 24—26; 29—31; 35—37; 14, 27; Лук. 4, 4; 8; 12; 17—21; 7, 27; 19, 46; 20, 17; 41—44; 22, 37 и др.

и Богъ Иакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“ (Исход. 3, 6). „Въ законѣ что написано? какъ читаешь?... такъ поступай и будешь жить“. — „Всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь; ибо написано: поражу пастыря; и разсѣются овцы“ (Захар. 13, 7). А сколько разъ ссылается Господь на ветхозавѣтныя писанія, спрашивая іудеевъ: „развѣ вы не читали?“ „Не читали ли вы?“ Ветхозавѣтныя писанія Онъ ставилъ даже выше чудесъ и сверхъестественныхъ явленій: „Если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“ (Лук. 16, 31).

Съ такимъ же уваженіемъ относились къ ветхозавѣтному Откровенію и такое же важное значеніе приписывали ветхозавѣтнымъ писаніямъ и всѣ истинные и ближайшіе ученики Христа—Апостолы. „Или вы думаете, говоритъ ап. Иаковъ (4, 5),— что *напрасно говоритъ Писаніе*: до ревности любить духъ, живущій въ насъ? Но тѣмъ большую даетъ благодать; посему и сказано: Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“ (Притч. 3, 34). „Исполнилось слово Писанія“ (Іак. 2, 23). У ап. Петра: „ибо сказано въ Писаніи: вотъ Я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный (1 Петр. 2, 6; срв. Пс. 117, 22). „Никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіе человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“ (2 Петр. 1, 21),—вотъ почему, по изъясненію св. ап. Петра, „никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою“ (ст. 20). „Къ сему-то спасенію (во Христѣ) относились изысканія и изслѣдованія пророковъ, которые предсказывали о назначенной вамъ благодати, изслѣдывая, на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ, когда Онъ предвозвѣщаль Христовы страданія и послѣдующую за ними славу; имъ открыто было, что не имъ самимъ, а намъ служило то, что нынѣ проповѣдано вамъ благовѣствовавшими Духомъ Святымъ“ (1 Петр. 1, 10—15). Чтобы видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ относились къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ св. Апостолы и какъ часто они ссылались на нихъ въ подтвержденіе своего собственнаго ученія, желаемымъ мы совѣтуемъ прочесть слѣдующія мѣста: Рим. 1, 17, 2, 24; 3, 4; 10; 4, 17, 23; 8, 35; 9, 13; 33; 10, 15; 11, 8, 26;

12, 19; 14, 11; 15, 3. 9. 21; 1 Кор. 1, 19; 2, 9; 3, 19; 10, 7; 15, 45; 2 Кор. 8, 15; 9, 9; 4, 13; Галат. 3, 10; 13; 4, 22; 27; 1 Петр. 1, 16; 2, 6; Рим. 1, 2; 2, 27, 29; 4, 3; 9, 17, 10, 8; 11; 11, 2; 14, 25; 15, 4; 1 Кор. 15, 3; 4; Галат. 3, 8; 22; 4, 30; 1 Тим. 5, 18; 2 Тим. 3, 15; 16; Іак. 2, 8; 23; 4, 5; 1 Петр. 2, 6; 2 Петр. 3, 16; 2, 5; 1, 10; Іак. 5, 10; Рим. 1, 2; 3, 21, 9, 29; 11, 3; 1 Кор. 12, 28; 14, 32; Ефес. 2, 2; 3, 5; Евр. 1, 1; 11, 32; 2 Петр. 3, 2; и мн. др.

Но если Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Его апостолы относились къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ съ величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ и часто ссылались даже на нихъ въ доказательство истинности своего собственнаго ученія, признавая ихъ изреченными отъ Бога, написанными по вдохновенію Духа Божія.—то спрашивается: на какомъ основаніи отвергаетъ ихъ Толстой, называющій себя единственнымъ во всемъ мірѣ ученикомъ Христовымъ и истиннымъ христіаниномъ?—Толстой не указываетъ для этого совершенно никакого основанія. Онъ ничего не хочетъ слышать о ветхозавѣтныхъ писаніяхъ только потому, что они ему не нравятся; а не нравятся они ему потому, что содержащееся въ нихъ ученіе не подходитъ подъ цвѣтъ его собственнаго ученія¹⁾. Но для человѣка здравомыслящаго, а тѣмъ болѣе для христіанина это, очевидно, не основаніе. Если Христосъ заповѣдалъ съ благоговѣніемъ относиться къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ, какъ къ Божественному Откровенію, то ясно, что всякій, желающій быть истиннымъ христіаниномъ, и долженъ поступать по Его заповѣди и примѣру.

Такимъ же образомъ относится Толстой и къ писаніямъ апостольскимъ. Онъ отвергаетъ ихъ совершенно безъ всякаго основанія. Правда, онъ часто говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о томъ, что христіанская церковь исказила христіанское ученіе въ IV вѣкѣ, съ того времени, какъ императоръ Константинъ Великій объявилъ христіанскую вѣру—господствующею религіею въ своей имперіи. Но самые враждебные христіан-

¹⁾ О такомъ отношеніи своемъ къ Ветхозавѣтному Откровенію какъ и Новозавѣтному, самъ Толстой съ поразительною наивностію рассказываетъ въ предисловіи къ своему же-евангелію стр. 9—24.

ству критики новозавѣтныхъ писаній, при всей своей придирчивости, должны были признать, что канонъ новозавѣтныхъ апостольскихъ писаній, т. е., всѣ эти писанія, вмѣстѣ взятые, были извѣстны у христіанъ въ концѣ перваго и не далѣе первой четверти второго вѣка. Правда и то, что эти критики нѣкоторыхъ изъ новозавѣтныхъ писаній не признавали подлинно-апостольскими, т. е. написанными именно Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ или Павломъ, но никто изъ нихъ не сомнѣвался въ ихъ подлинно—христіанскомъ происхожденіи; никто не утверждалъ того, что заключающееся въ нихъ ученіе несогласно съ ученіемъ Іисуса Христа, изложеннымъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ.

Совершенно иначе относится къ новозавѣтнымъ апостольскимъ писаніямъ Толстой: онъ огульно отвергаетъ ихъ, не указывая для этого ровно никакого основанія. Просто-на-просто они ему не нравятся, такъ какъ содержатъ ученіе несогласное съ его собственнымъ ученіемъ,—и вотъ по этой только причинѣ онъ и не хочетъ ничего о нихъ слышать... Дѣйствительно, Толстому апостольскія посланія—не подъ цвѣтъ: въ каждомъ пунктѣ онъ можетъ увидѣть въ нихъ лишь опроверженіе своего ученія, которое бы ему хотѣлось выдать за христіанское.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Толстой не признаетъ никакой власти во всемъ мірѣ. Апостолы въ своихъ посланіяхъ не только признаютъ власти совершенно необходимыми, но и заповѣдуютъ христіанамъ безприкословное повиновеніе имъ, вполнѣ согласно съ ученіемъ Іисуса Христа, повелѣвавшего воздавать кесарево кесарю. Такъ, ап. Петръ пишетъ: „Бога бойтесь, царя чтите“ (1 Петр. 2, 17). „Будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (ст. 13, 14). Въ посланіяхъ ап. Павла, одобренныхъ и ап. Петромъ (2 Петр. 3, 15), мы также читаемъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе

шіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно заняты. Итакъ отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь" (Рим. 13, 1—7). „Итакъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу" (1 Тим. 2, 1—3).

3864
Далѣе Толстой проповѣдуетъ, будто бы несогласно съ христіанскимъ ученіемъ—платить подати. Апостолы, напротивъ, смотрятъ на подати не только какъ на явленіе въ христіанскомъ обществѣ естественное; но даже признаютъ ихъ необходимыми, какъ мы видѣли выше. (Ср. Рим. 13, 6, 7).

Затѣмъ Толстой отвергаетъ клятву. Апостолы, согласно съ ученіемъ Иисуса Христа, также высказываютъ въ своихъ посланіяхъ понятное желаніе, чтобы христіане, говоря всегда правду и не допуская лжи, вѣрили другъ другу на слово и не прибѣгали къ клятвенному удостовѣренію (Іак. 5, 12); но въ грѣховномъ обществѣ, среди котораго ложь порождаетъ недовѣріе, значенія клятвы они не отвергаютъ. Такъ въ посланіи ап. Павла къ евреямъ (6, 16—18) мы читаемъ: „Люди клянутся высшимъ, и клятва во удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ". Какое важное значеніе апостолы приписывали клятвѣ, желающій можетъ видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ: Рим. 6, 17—18; Евр. 3, 11, 18; 4, 3; 6, 13; 7, 21 и др.

Наконецъ, Толстой находитъ не христіанскимъ учрежденіемъ судъ и заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ не принимать въ судахъ никакого участія. Апостолы только не хотѣли бы видѣть среди христіанъ тяжбъ и споровъ и не одобряли, когда христіане съ своими тяжбыми дѣлами обращались къ суду

язычниковъ; но значенія собственнаго суда среди христіанъ не отвергають. Такъ ап. Павелъ писалъ коринѣянамъ: „Какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ? Развѣ не знаете, что святые будутъ судить міръ? Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла? Развѣ не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія? А вы, когда имѣете житейскія тяжбы,ставляете своими судьями ничего не значущихъ въ церкви. Къ стыду вашему говорю: неужили нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими?“ (1 Кор. 6, 1—5).

Послѣ этого для каждаго здравомыслящаго ясно, что между христіанскимъ ученіемъ, изложеннымъ апостолами въ ихъ посланіяхъ, и лжеученіемъ Толстого слишкомъ мало общаго; по этой-то причинѣ Толстому и показалось наилучшимъ просто, безъ всякаго основанія, не обращать на апостольскія посланія никакого вниманія. Приемъ этотъ, конечно, смѣлъ; но за то не наученъ и даже не честенъ.

Подводя итогъ сказанному нами до сихъ поръ, мы должны придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1) Толстой не имѣетъ никакого права называть себя *истиннымъ* христіаниномъ; 2) ученіе его можетъ быть называемо социалистическимъ, политическимъ, анархическимъ или—другимъ какимъ либо словомъ, но только—не христіанствомъ, какъ называетъ его самъ Толстой; 3) истинный христіанинъ, не переставая быть христіаниномъ, не можетъ, подобно Толстому, отвергать ни ветхозавѣтныхъ пророчествъ, ни новозавѣтныхъ—апостольскихъ писаній.

Съ этими общими положеніями мы и приступаемъ къ разбору изданнаго въ этомъ году сочиненія Толстого „Царство Божіе внутри васъ“, предупреждая, впрочемъ, читателя, что насъ, собственно, не столько интересуетъ самый разборъ лжеученія Толстого, сколько изложеніе истинно-христіанскаго ученія о тѣхъ предметахъ, о которыхъ Толстой разсуждаетъ въ своей книгѣ.

I.

Толстой и его предшественники.

Болѣ десяти лѣтъ тому назадъ, только приступая къ пропагандѣ своего лжеученія, Толстой прежде всего выдавалъ себя своимъ читателямъ за человѣка весьма умнаго, всесторонне образованнаго, многосвѣдущаго и многоученаго, подобнаго которому трудно найти во всемъ мірѣ, словомъ,—сразу хотѣлъ занять положеніе такого авторитетнаго руководителя, которому бы читатели прямо вѣрили на слово, не подвергая сомнѣнію ни одного изъ его положеній. И Толстой отчасти достигъ своей цѣли. Нашлись многіе легковѣрные, малоразвитые, не способные къ критическимъ сужденіямъ люди, которые, повѣривъ Толстому на слово и признавъ его своимъ авторитетомъ, безъ всякихъ разсужденій, стали толпой въ ряды его учениковъ. Иначе отнеслись къ заявленію Толстого о его философской и богословской многоучености люди, способные къ серьезнымъ разсужденіямъ. Они высоко цѣнили *поэтическое* дарованіе Толстого, какъ оно выразилось въ его прежнихъ, дѣйствительно, поэтическихъ произведеніяхъ; но, разсмотрѣвъ основательно послѣднія лже-философскія сочиненія его, они пришли къ выводу, что философъ онъ—плохой, а еще менѣе имѣеть основаній называть себя многоученымъ и глубоко-мысленнымъ богословомъ. Основанія, приведенныя этими людьми—критиками Толстого, были настолько вѣски и неопровержимы, что справедливость ихъ вынужденъ былъ признать и самъ Толстой. Вотъ почему свое послѣднее сочиненіе онъ прямо начинаетъ ¹⁾ откровеннымъ заявленіемъ, что въ области богословскихъ предметовъ онъ человѣкъ—мало-знающій. Интересно поэтому, для сравненія, сопоставить здѣсь то, что Толстой говорилъ о своей богословской многоучености десять лѣтъ назадъ, и что онъ смиренно говоритъ о ней теперь. Вотъ это сопоставленіе.

¹⁾ Ч. I, стр. 1.

Толстой говорил о себѣ въ
1884 году:

„Я читалъ не одну нагорную проповѣдь, я читалъ всѣ Евангелія, *всѣ* богословскіе комментаріи на нихъ ¹⁾... И вотъ послѣ многихъ, многихъ тщетныхъ исканій, изученій того, что было писано объ этомъ въ доказательство божественности этого ученія и въ доказательство небожественности его ²⁾... Читаю посланія апостола Павла ³⁾... Справляюсь (о томъ же непротивленіи злу) съ учителями церкви первыхъ вѣковъ ⁴⁾... Обратился къ толкованіямъ церкви съ пятого вѣка ⁵⁾... Справляюсь у греческихъ, католическихъ, протестантскихъ писателей и писателей тюбингенской школы и школы исторической ⁶⁾... Справляюсь какъ переводится въ Евангеліяхъ эти слова на разные языки... въ Вульгатѣ, у Лютера ⁷⁾... Справляюсь съ общимъ лексикономъ... Справляюсь съ лексикономъ Новаго Завѣта... Справляюсь съ контекстами ⁸⁾... Хорошо зная академическую литературу ⁹⁾... Справляюсь съ вариантами. Справляюсь по Грисбаху ¹⁰⁾... и т. д.

Итакъ, то, что Толстой десять лѣтъ назадъ говорилъ о своей богословской многоучености, было по меньшей мѣрѣ преувеличеннымъ, если не преднамѣреннымъ заманываніемъ легковѣрныхъ и легкомысленныхъ подъ знамя фиктивного авторитета мнимой науки!

1) Въ чемъ моя вѣра? стр. 10.

2) Тамъ же стр. 11.

3) Стр. 31.

4) Стр. 32.

5) Стр. 33.

6) Тамъ же.

7) Стр. 34.

8) Въ чемъ моя вѣра? Женевское изданіе стр. 35.

9) Стр. 187.

10) Стр. 68.

Толстой говоритъ о себѣ въ
1894 году:

„Я очень мало знаю, какъ и всѣ мы, о томъ, что дѣлалось и было проповѣдуемо и писано въ прежнее время по вопросу о непротивленіи злу. Я зналъ только, что было высказано объ этомъ предметѣ у отцовъ церкви — Оригена, Тертуліана ¹⁾ и *другихъ* (?), — зналъ и о томъ, что существуютъ нѣкоторые такъ называемыя секты Менонитовъ, Гернгутеровъ, Квакеровъ, которые не допускаютъ для христіанина употребленія оружія, и не идутъ въ военную службу; но что было сдѣлано этими, такъ называемыми сектами для разьясненія этого вопроса, было мнѣ мало извѣстно ²⁾).

1) Оригена и Тертуліана Толстой всегда называетъ, конечно, по невѣдѣнію, не *учителями*, а *отцами* церкви.

2) Царство Божіе внутри васъ. Стр. 1—2.

Къ немалому удивленію нашему, въ разбираемомъ сочиненіи Толстой правдиво опредѣляетъ и тѣ причины, благодаря которымъ пользовались большою популярностію лжефилософія произведенія его и въ особенности—его книга: „Въ чемъ моя вѣра?“ Какія же это причины?—„Отчасти вслѣдствіе моей репутаціи, какъ писателя,—говоритъ Толстой ¹⁾ отчасти потому, что она (его книга: „Въ чемъ моя вѣра?“) заинтересовала людей“... Имѣя въ виду эти причины, можно обѣщать меньшую популярность и послѣдному сочиненію Толстого. И для него немалое значеніе будутъ имѣть популярность и репутація его, какъ писателя; и это сочиненіе также, безъ сомнѣнія, заинтересуетъ людей... Но только какихъ людей? Здѣсь Толстой уже не касается тѣхъ высшихъ богословскихъ и философскихъ вопросовъ, которые занимали видное мѣсто въ нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ сочиненій. Здѣсь нѣтъ уже рѣчи ни о Богѣ, ни о смыслѣ и высшей цѣли человѣческой жизни, ни о мотивахъ нравственной дѣятельности. Всѣ эти вопросы Толстымъ уже оставлены какъ праздыне и метафизическіе. Теперь онъ спустился съ облаковъ философіи и теософіи; онъ сталъ уже прямо на путь явнаго социализма и продолжаетъ дѣло, надъ которымъ болѣе двадцати лѣтъ работали наши народные просвѣтители 60-хъ годовъ, а нынѣ разрабатываютъ въ Европѣ всевозможные анархисты. Цѣль, которой хочетъ достигнуть Толстой въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, совершенно анархическая: указаніе прямого пути и надежныхъ средствъ къ уничтоженію существующаго нынѣ государственнаго устройства и всѣхъ учреждений его: школъ, больницъ, судовъ, полиціи, войска, податей, а также къ устраненію всѣхъ никому ненужныхъ—министровъ, губернаторовъ, судебныхъ прокуроровъ, генераловъ, офицеровъ, архіереевъ, священниковъ, волостныхъ старшинъ, писарей, сотскихъ, десятскихъ, всѣхъ богачей, фабрикантовъ и даже землевладѣльцевъ ²⁾... Понятно, что еще и теперь найдутся люди, раздѣляющіе чаянія нигилистовъ и социалистовъ 60-хъ годовъ, и этихъ людей, безъ сомнѣнія, послѣднее сочиненіе Тол-

¹⁾ Тамъ же стр. 2.

²⁾ См. напр. Ч. II, стр. 94—100 и всю книгу Толстого въ двухъ частяхъ, преисполненную такихъ наставленій.

стого очень заинтересуетъ своимъ содержаніемъ, а чрезъ ихъ усердіе оно будетъ извѣстно и крестьянамъ въ захолустныхъ селахъ и даже пріобрѣтетъ Толстому среди послѣднихъ новыхъ послѣдователей,—тѣмъ болѣе, что въ разбираемомъ сочиненіи, какъ увидимъ ниже, самъ Толстой уже хлопочетъ не о просвѣщеніи простаго народа даже и въ духѣ его ученія, а прямо о вербованіи невѣжественныхъ массъ въ ряды его послѣдователей чрезъ установленіе согласнаго съ его ученіемъ общественнаго мнѣнія, какими бы то ни было средствами достигнутаго *).

Интересно прослѣдить, какъ Толстой путается въ рѣшеніи вопроса о самомъ происхожденіи *заповѣди* (?) непротивленія злу. Сначала онъ приписывалъ это ученіе только одному Іисусу Христу; но, затѣмъ, прочитавъ IV томъ сочиненій Шопенгауэра, онъ уже отказался отъ этого мнѣнія и сталъ доказывать, что ученіе о непротивленіи злу принадлежитъ не Христу, а Конфуцію, Буддѣ, стоикамъ, еврейскимъ талмудистамъ. Тѣмъ не менѣе въ своемъ послѣднемъ сочиненіи ученіе о непротивленіи злу онъ постоянно называетъ *истинно-христіанскимъ*. Другой вопросъ: кто первый изъяснилъ людямъ дѣйствительный смыслъ этого ученія? Десять лѣтъ тому назадъ эту честь Толстой приписывалъ только *одному* себѣ. Теперь, однако, онъ говоритъ уже не то, и такимъ образомъ самъ начинаетъ лишать себя славы открытія великой истины, до него бывшей будто бы совершенно неизвѣстною людямъ. По этому поводу

Вотъ что говорилъ Толстой въ 1884 году:

„Открытіе это (ученія о непротивленіи злу) сдѣлано было мною такъ ¹⁾... Но долго я не могъ привыкнуть къ той странной мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона миллиардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь на изученіе этого закона, *теперь мнѣ пришлось, какъ что-то новое, открывать законъ Христа*. Но какъ ни странно это было, это было такъ ²⁾).

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 6.

²⁾ Тамъ же стр. 46—47.

Вотъ что говоритъ Толстой въ 1894 году:

Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства исповѣдовалось и исповѣдуется меньшинствомъ людей¹⁾.

* Ч. II, стр. 80—100.

¹⁾ Царство Божіе внутри васъ, Ч. I, стр. 1.

Какъ объяснить возможность такого противорѣчія самому себѣ, такого самоотрицанія и самопобіенія? Объяснить это очень легко. До послѣдняго времени Толстой, какъ онъ и самъ сознается, имѣлъ лишь смутное представленіе о сектахъ менонитовъ, гернгутеровъ и квакеровъ. Но когда Толстой лично приписалъ себѣ открытіе закона Христова о непротивленіи злу, американскіе квакеры первые уличили его въ ложномъ самовосхваленіи и прямо заявили ему, что честь этого открытія принадлежитъ не кому другому, какъ только однимъ имъ, болѣе 200 лѣтъ исповѣдующимъ на дѣлѣ ученіе Христа о непротивленіи злу насиліемъ и не употребляющимъ для защиты себя оружія. Въ доказательство этого они вмѣстѣ съ письмами прислали Толстому свои брошюры, журналы и книги. Послѣ этого Толстой дѣлаетъ новое открытіе и спѣшитъ порадовать имъ міръ. „Изъ этихъ присланныхъ мнѣ журналовъ, брошюръ и книгъ, говоритъ онъ ¹⁾, —я узналъ, до какой степени уже много лѣтъ тому назадъ ими неопровержимо была доказана для христіанина обязанность выполненія заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ и была обличена неправильность церковнаго ученія, допускающаго казни и войны“. „Знакомство съ дѣятельностію квакеровъ и ихъ сочиненіями: съ Фоксомъ ²⁾, Пэнномъ ³⁾ и въ особенности съ книгой Даймонда (Dumond) 1827 г.—показало мнѣ, что не только давнымъ давно признана невозможность соединенія христіанства съ насиліемъ и войною, но что эта несовмѣстимость давнымъ давно такъ ясно, и несомнѣнно доказана, что надо только удивляться, какимъ образомъ можетъ продолжаться это невозможное соединеніе христіанскаго ученія съ насиліемъ, которое проповѣдовалось и продолжаетъ проповѣдываться церквами“ ⁴⁾.

Но какую пользу принесло Толстому его запоздалое знакомство съ сектою квакеровъ? Казалось бы, признавъ за этою сектою единственно истинное пониманіе христіанскаго ученія, Толстой долженъ былъ бы только усвоить себѣ это ученіе, присоединиться къ сектѣ и содѣйствовать ея распространенію.

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, ч. I, стр. 3.

²⁾ Георгій Фоксъ—основатель секты квакеровъ, явившейся въ 1647 году.

³⁾ Вильгельмъ Пэнъ—ревностный распространитель и организаторъ секты.

⁴⁾ Царство Божіе внутри васъ ч. I, стр. 4—5.

Но ничего подобного не случилось и даже не может случиться, потому что, кромѣ пустого фразерства о непротивленіи злу, между квакерами и Толстымъ нѣтъ ничего общаго. Секта квакеровъ, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ и при всемъ своемъ одностороннемъ пониманіи христіанскаго ученія, все таки удерживаетъ за собою религіозный характеръ;—а ученіе Толстого имѣетъ только соціально—политическій характеръ, который обнаружился въ его нигилистическихъ и анархическихъ воззрѣніяхъ. Квакеры вѣруютъ въ бытіе личнаго Бога, Иисуса Христа называютъ Сыномъ Божіимъ, своимъ Господомъ и Учителемъ, признаютъ личное бытіе Духа Святаго и возможность Его наитія на людей, вѣруютъ въ личную загробную жизнь и воскресеніе мертвыхъ, имѣютъ въ виду въ своей жизни одну главную цѣль—достиженіе своего спасенія и вѣчнаго блаженства; ничего подобнаго нѣтъ у Толстого: онъ проповѣдуетъ только безсмысленный атеизмъ и грубый матеріализмъ. Квакеры устраиваютъ свои собранія для чтенія Библии, молитвы и религіозной проповѣди; толстовцы собираются вмѣстѣ только для разсужденій о необходимости разрушенія государственнаго строя, уничтоженія властей, войска, податей, капиталистовъ, фабрикантовъ и для кощунственнаго издѣвательства и поношенія Церкви Христовой, для выраженія по отношенію къ ней чувства своей безграничной враждебности во имя (будто бы) заповѣди Христовой о любви даже ко врагамъ...

Но на знакомствѣ съ сектою квакеровъ дѣло не остановилось. За однимъ открытіемъ послѣдовало другое. Толстому посчастливилось обогатиться новыми свѣдѣніями. „Кромѣ свѣдѣній, полученныхъ мною отъ квакеровъ, говоритъ онъ ¹⁾, около этого же времени я получилъ тоже изъ Америки свѣдѣнія о томъ же предметѣ (т. е. о непротивленіи злу) изъ совершенно другого и *прежде мнѣ вовсе неизвѣстнаго источника*“. Сынъ Вильяма Лойда Гаррисона, извѣстнаго борца за свободу негровъ, нашедши въ ученіи Толстого нѣчто сходное съ мыслями, выраженными его (Гаррисона) отцомъ въ 1838 году, прислалъ Толстому составленную его отцомъ декларацію или провозгла-

1) Ч. II, стр. 5.

шеніе непротивленія—„Non resistance“. Затѣмъ отъ нѣкоего Вильсона Толстой узналъ о существованіи нѣкоего Адина Балу, участвовавшего въ трудахъ отца Гаррисона. Толстой немедленно написалъ ему, Балу, письмо, на которое удостоился получить отвѣтъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все сочиненія этого Балу. Изъ этихъ сочиненій Толстой узналъ, что Балу „обѣщаль, оставивъ все, слѣдовать за Иисусомъ Христомъ на худое (?) и доброе до самой смерти“¹⁾; а его *катехизмъ непротивленія* ясно доказалъ Толстому, что слово—„непротивленіе“—не слѣдуетъ принимать въ самомъ его обширномъ смыслѣ, но въ смыслѣ наставленія Спасителя, т. е., не платить зломъ за зло, и что злу должно противиться всякими праведными средствами, но никакъ не зломъ“²⁾.

Наконецъ, какой-то профессоръ пражскаго университета сообщилъ Толстому, что еще, въ XV вѣкѣ чехъ Хельчицкій написалъ сочиненіе „Сѣть вѣры“, которое никогда и нигдѣ не было напечатано, но въ которомъ приведенъ тотъ же взглядъ на истинное и ложное христіанство, какой высказалъ и Толстой въ своемъ сочиненіи—„Въ чемъ моя вѣра?“ По словамъ пражскаго профессора, это сочиненіе Хельчицкаго, котораго нельзя было напечатать ни во Франціи, ни въ Австріи, ни въ Америкѣ, „должно было быть издано въ первый разъ на чешскомъ языкѣ въ журналѣ Петербургской академіи наукъ“. Не довольствуясь ознакомленіемъ съ содержаніемъ сочиненія Хельчицкаго по какой-то нѣмецкой книгѣ, присланной тѣмъ же пражскимъ профессоромъ³⁾, и по исторіи чешской литературы Пыпина, Толстой „досталъ“⁴⁾ изъ типографіи корректурные листы того, что было отпечатано, и прочелъ книгу. „Книга эта, по словамъ Толстого, во всехъ отношеніяхъ удивительная. Содержаніе ея совершенно вѣрно передано Пыпинымъ... Книга эта одна изъ рѣдкихъ удѣлѣвшихъ отъ костровъ книгъ, обличающихъ официальное христіанство“... Въ виду такого важнаго значенія этой книги Толстой неоднократно высказываетъ свое

1) Ч. I, стр. 15.

2) Стр. 18.

3) Толстой почему-то не называетъ этой книги.

4) Ч. I, стр. 30.

сѣтованіе на то, что начатое нашею академіею наукъ печатаніе ея приостановлено, вслѣдствіе чего ему пришлось знакомиться съ нею нелегальнымъ путемъ. Воображаемъ однако, какъ былъ удивленъ Толстой, узнавъ еще до окончанія своего сочиненія, что книга Хельчицкаго еще въ прошломъ году Академіею наукъ напечатана и въ русскомъ обществѣ не вызвала никакого интереса.

Теперь, кажется, естественно предложить вопросъ: какую пользу получил Толстой отъ своего знакомства съ ученіемъ и писаніями квакеровъ, Гаррисона, Балу, Даймонда и Хельчицкаго?

Въ отвѣтъ на это Толстой пишетъ ¹⁾: „Дѣятельность Гаррисона отца съ его основаніемъ общества непротивляющихся и деклараціи еще болѣе, чѣмъ сношенія мои съ квакерами, убѣждали меня въ томъ, что отступленіе государственнаго христіанства отъ закона Христа о непротивленіи насиліемъ есть дѣло давно замѣченное и указанное и для обличенія котораго работали и не перестаютъ работать люди. Дѣятельность Балу еще болѣе подтвердила мнѣ это“. Такимъ образомъ Толстой, начавшій свою странную проповѣдь о непротивленіи злу въ смыслѣ чуждомъ истинно-христіанскому пониманію болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, все время какъ-будто не былъ убѣжденъ въ истинности того, что онъ проповѣдывалъ съ особенною энергіею, и до послѣдняго времени нуждался въ томъ, чтобы въ истинности его ученія его убѣдили квакеры, Гаррисонъ и Балу. А если не такъ, то какую-же пользу могли принести ему эти люди?—Очевидно,—никакой. Но мы думаемъ, что не для себя, а для другихъ Толстой излагаетъ въ своемъ сочиненіи ученіе квакеровъ, Гаррисона и Балу. „Не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте хотя этимъ людямъ,—они авторитетнѣе меня!“—вотъ что какъ бы говоритъ Толстой своею ссылкою на ученіе своихъ предшественниковъ по міровоззрѣнію. Онъ беретъ ихъ себѣ въ помощь и отдаетъ имъ подъ защиту себя. Вотъ единственная польза, которую извлекаетъ Толстой изъ своего знакомства съ сочиненіями американскихъ квакеровъ, Гаррисона, Балу и Хельчицкаго; а между тѣмъ отъ этого зна-

¹⁾ Ч. I, стр. 27.

комства онъ могъ бы получить и гораздо большую пользу, если бы онъ внимательнѣе отнесся къ тому, какихъ результатовъ достигли его предшественники своею дѣятельностію.

Не знаемъ, извѣстно ли Толстому, какимъ незначительнымъ распространеніемъ пользуется ученіе квакеровъ; но онъ хорошо знаетъ, что Гаррисонъ, Балу, Даймондъ и Хельчицкій не имѣли никакихъ успѣховъ; они были учителями безъ учениковъ, проповѣдниками безъ слушателей, писателями, сочиненій которыхъ никто не читалъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ самъ Толстой¹⁾: „Общество и журналъ (основанные Гаррисономъ) просуществовали не долго: большинство сотрудниковъ Гаррисона по дѣлу освобожденія рабовъ, опасаясь того, чтобы слишкомъ радикальныя требованія, выраженные въ журналѣ „Непротивляющійся“ не оттолкнули людей отъ практическаго дѣла освобожденія негровъ, большинство сотрудниковъ отказалось отъ исповѣданія принципа непротівленія, какъ онъ былъ выраженъ въ провозглашеніи, и общество и журналъ прекратили свое существованіе. Это провозглашеніе Гаррисона, такъ сильно и краснорѣчиво выражавшее такое важное для людей исповѣданіе вѣры, казалось должно бы было поразить людей и сдѣлаться всемірно извѣстнымъ и предметомъ всесторонняго обсужденія. Но ничего подобнаго не было. Оно не только не извѣстно въ Европѣ, но среди Американцевъ, столь высоко чтущихъ Гаррисона, провозглашеніе это почти неизвѣстно“.

„Та же неизвѣстность,—говоритъ Толстой далѣе²⁾,—постигла и другаго борца за непротівленіе злу недавно умершаго, въ продолженіи 50 лѣтъ проповѣдывавшаго это ученіе, американца Адина Балу. До какой степени мало извѣстно все то, что относится къ вопросу непротівленія, видно изъ того, что Гаррисонъ сынъ, написавшій превосходную, въ 4-хъ большихъ томахъ біографію своего отца, этотъ Гаррисонъ сынъ, на вопросъ мой о томъ, существуютъ-ли теперь общества непротівленія и есть ли послѣдователи его, отвѣчалъ мнѣ, что, сколько ему извѣстно, общество это распалось и послѣдователей этого ученія не существуетъ“...

1) Ч. I, стр. 13.

2) Ч. I, стр. 14.

„Въ августѣ 1890 года—читаемъ еще у Толстого ч. I. стр. 27,—Балу скончался и въ американскомъ христіанскаго направленія журналѣ (Religio-Philosophical journal, August 23) былъ его некрологъ. Въ хвалебномъ некрологѣ этомъ пишется о томъ, что Балу былъ духовнымъ руководителемъ общины, что онъ произнесъ отъ 8 до 9 тысячъ проповѣдей, женилъ 1 000 паръ и написалъ около 500 статей, но ни одного слова не сказано о той цѣли, которой онъ посвятилъ свою жизнь, не сказано даже и слова „непротивленіе“. Какъ все то, что 200 лѣтъ проповѣдуютъ квакеры, какъ дѣятельность Гаррисона отца, основаніе его общества и журнала, его провозглашеніе, такъ и вся дѣятельность Балу точно какъ будто не существуетъ и не существовало“.

Такова же была судьба книги Хельчицкаго ¹⁾—„Сѣть вѣры“, книги Даймонда—„Op wag“—„О войнѣ“ ²⁾ и книги Мосера—„О непротивленіи“ ³⁾.

Мы съ намѣреніемъ собственными словами Толстого указали на поучительную судьбу прежнихъ проповѣдниковъ непротивленія, несогласнаго съ истинно-христіанскимъ пониманіемъ Христова ученія. Чѣмъ же объяснить общее несочувствіе къ нимъ людей? Отчего они оставались одинокими? Отчего ихъ общества распались почти тотъ часъ послѣ учрежденія? Отчего ихъ книги были оставляемы безъ прочтенія? Отчего ихъ современники и послѣдующія поколѣнія такъ скоро забывали и забываютъ не только о ихъ проповѣди и дѣятельности, но даже и о самомъ существованіи ихъ? Толстой даетъ замѣчательный отвѣтъ на эти серьезные вопросы. „Судьба и Гаррисона, и въ особенности Балу, никому неизвѣстнаго, несмотря на 50 лѣтъ упорной и постоянной работы въ одномъ и томъ же направленіи,—говоритъ Толстой ⁴⁾,—подтвердила для меня то, что существуетъ какой-то невысказанный, но твердый уговоръ—замалчиванья всѣхъ такихъ попытокъ“. „Вездѣ,—такъ заключаетъ онъ и первую главу, или параграфъ своего сочи-

¹⁾ Ч. I, стр. 28.

²⁾ Ч. I, стр. 33.

³⁾ Ч. I, стр. 33, 36.

⁴⁾ Ч. I, стр. 27.

ненія ¹⁾),—повторяется одно и то же. Не только правительство, но и большинство либеральных, свободно мыслящих людей, какъ бы сговорившись, старательно отворачиваются отъ всего того, что говорилось, писалось, дѣлалось и дѣлается людьми для обличенія несовмѣстимости насилія въ самой ужасной, грубой и яркой его формѣ—въ формѣ солдатства, т. е., готовности убійства кого-бы то ни было, съ ученіемъ не только христіанства, но хотя бы гуманности, которое общество будто бы исповѣдуетъ²⁾. Въ заключеніе своей жалобы на эту невнимательность людей къ ученію о непротивленіи Толстой еще разъ высказываетъ свое убѣжденіе въ томъ, „что существуетъ въ правящихъ классахъ сознательно враждебное отношеніе къ истинному христіанству (т. е. къ ученію о непротивленіи въ смыслѣ ученія Толстого), выражающееся преимущественно замалчиваніемъ *остаъ проявленій его*“.

Это объясненіе Толстого очень оригинально. „Существуетъ какой то невысказанный, но твердый *уговоръ*, замалчиванья“ дѣятельности непротивленцевъ! Какой же это уговоръ? Гдѣ—онъ и въ чемъ онъ проявилъ себя?

Объясненіе Толстого вовсе не вытекаетъ изъ тѣхъ фактовъ, которые изложены имъ въ его послѣднемъ сочиненіи, и изъ которыхъ онъ его выводитъ. Факты эти очень характеристичны, а для Толстого, при добросовѣстномъ отношеніи къ нимъ, могли бы быть и весьма поучительными. Такъ, напр., проповѣдникъ непротивленія, Гаррисонъ, основалъ даже общество непротивленія и издавалъ журналъ „Непротивляющійся“—„Non-resistant“. Чего же достигъ этимъ Гаррисонъ?—Ничего.—„Общество и журналъ, говоритъ Толстой ²⁾),—просуществовали недолго“. Отчего? „Большинство сотрудниковъ Гаррисона по дѣлу освобожденія рабовъ,—отвѣчаетъ Толстой ³⁾),—опасаясь того, чтобы *слишкомъ радикальнныя требованія, выраженныя въ журналѣ „Непротивляющійся“*, не оттолкнули людей отъ практическаго дѣла освобожденія негровъ, большинство сотрудниковъ отказалось отъ исповѣданія принципа непротивленія, какъ онъ былъ вы-

¹⁾ Стр. 44.

²⁾ Ч. I, стр. 13.

³⁾ Тамъ-же.

раженъ въ провозглашеніи, и общество и журналъ прекратили свое существованіе“. Объясненіе—очень достаточное и простое; къ чему же вести здѣсь рѣчь о „существованіи какого-то невысказаннаго, но твердаго уговора замалчиванія“ объ этой неудачной попыткѣ Гаррисона? Дѣло — понятное для всякаго. Сначала нѣкоторые впечатлительные, а-можетъ быть, и легкомысленные люди увлеклись ученіемъ Гаррисона, по всей вѣроятности его мнимою новизною и оригинальною, вступили даже въ члены основаннаго имъ общества и выписывали затѣянный имъ журналъ; но потомъ сознали всю несостоятельность мнимо-новаго ученія, поняли, что изъ него ничего хорошаго не выйдетъ для жизни, „слишкомъ радикальныя требованія, выраженныя въ журналѣ „Непротивляційся“, оттолкнули этихъ людей“ отъ Гаррисона,—и они махнули рукой и на его общество, и на его журналъ, „отказались отъ исповѣданія принципа непротівленія, какъ онъ былъ выраженъ“ Гаррисономъ, и принялись за свое дѣло... Главнымъ плодотворнымъ результатомъ ихъ выхода изъ „общества непротівленія“, на что отчасти указываетъ и Толстой ¹⁾),—было освобожденіе негровъ, такъ какъ бывшіе ученики Гаррисона, оставивъ своего учителя, рѣшились самымъ энергичнымъ образомъ *воспротивиться* поработенію этого племени.

Такимъ же точно образомъ нужно объяснить неудачныя попытки и другихъ „непротівленцевъ“, въ родѣ Балу, Даймонда и имъ подобныхъ. Да не тоже ли происходитъ иногда и съ нашими толстовцами, когда среди нихъ появляются мыслящіе люди? Какъ-то у насъ студенты одного университета учредили—было общество съ цѣлію улучшенія жизни, но не по ученію Христа, а по вѣщаніямъ яснополянскаго лжепророка. Что же вышло изъ этого общества?—Ровно ничего.—Теперь о немъ уже и помину нѣтъ. Да иначе и быть не могло. Если же среди нашихъ крестьянъ въ послѣднее время все больше и больше начинается распространяться ученіе Толстого, то это вовсе не потому что оно содержитъ въ себѣ истину, а потому что оно возбуждаетъ у крестьянъ мысль о возможности совершенной

¹⁾ Ч. I, стр. 13.

свободы отъ государственныхъ властей, отъ взноса всякаго рода податей, военной службы, говорить о ихъ единственномъ правѣ на владѣніе землею, при отрицаніи права собственности вообще и т. п. Вотъ что интересуеетъ крестьянъ въ книгахъ Толстого, а вовсе не его странное ученіе о непротивленіи злу насиліемъ!

Ученіе о непротивленіи злу, какъ оно истолковывается Толстымъ и его предшественниками, само по себѣ, дѣлаеетъ невозможнымъ достиженіе какихъ либо плодотворныхъ результатовъ. Ученіе Господа нашего Иисуса Христа о непротивленіи злу Толстымъ искажено до неузнаваемости, вслѣдствіе чего въ изложеніи его ничего христіанскаго и не осталось. О непротивленіи злу мы будемъ говорить подробнѣе въ свое время. Здѣсь-же отмѣтимъ только, почему это начало въ томъ смыслѣ, какъ повимаетъ его Толстой, не можетъ дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ, тогда какъ истинное ученіе Христа не только возродило, но и побѣдило міръ. Ошибка Толстого прежде всего состоитъ въ томъ, что онъ понялъ ученіе Христа о непротивленіи злу только въ буквальномъ смыслѣ, т. е., въ томъ именно смыслѣ, которому Христосъ всегда *противился*, обличая за такое буквальное пониманіе Божественнаго Откровенія фарисеевъ, и противъ котораго, собственно говоря, была направлена вся нагорная проповѣдь. Но ученіе Христа теряетъ всю свою силу и все свое значеніе, когда его понимаютъ только въ буквальномъ смыслѣ и внѣ связи со всѣмъ Его ученіемъ вообще. Укажемъ примѣръ, какъ можно извратить ученіе Христа при буквальномъ, отрывочномъ пониманіи его, согласно пріемамъ Толстого. „Не противься злу (или злему)“! Можно понять и такъ, что нельзя только противиться злему, а доброму противиться можно. Поэтому Толстой напрасно скорбитъ и называетъ нехристіанскимъ дѣйствіе какого-то становаго пристава (приставъ, по Толстому, человѣкъ дурной и безнравственной уже потому что онъ приставъ, т. е. имѣеетъ власть), который посадилъ въ „холодную“ кого-то изъ толстовцевъ (а всѣ толстовцы, по Толстому, люди добрые уже по одному тому, что они—толстовцы). Толстой не понялъ самаго духа ученія Христова, а потому онъ не имѣеетъ никакого права сказать о себѣ то, что говорили всему міру истинные ученики Иисуса

Христа: „Богъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, но духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ“ (2 Кор. 3, 6).

Стѣснивъ себя буквальнымъ пониманіемъ ученія Христова, Толстой самъ причинилъ себѣ множество затрудненій, изъ которыхъ выйти онъ никакъ не можетъ, прибѣгая даже и къ совершенно произвольнымъ толкованіямъ. Такъ ученіе Спасителя онъ передаетъ уже съ произвольною прибавкою: „не противься злу *насиліемъ*“. Христосъ такъ не говорилъ. Гдѣ-же взялось это слово „насиліемъ“ у Толстого?—Оно имъ прибавлено произвольно, ибо иначе, при буквальномъ пониманіи ученія Христова, онъ запутался бы до такой степени въ противорѣчіяхъ, что отвергъ бы и самую заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ. Далѣе, хотя Толстой нигдѣ не высказалъ прямо, но нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Спасителя онъ понимаетъ только въ смыслѣ непротивленія злу *насиліемъ внѣшнимъ, физическимъ*; о нравственномъ или интеллектуальномъ непротивленіи злу онъ ничего не говоритъ. Но принимая слова Христа буквально, какъ хочетъ того Толстой, мы не имѣемъ никакого права ограничивать ихъ никакими исключеніями, ибо изъ словъ Христовыхъ, понимаемыхъ буквально, выходитъ: „не противься злу“, т. е., не противься злу *никакъ*, ни физически, ни нравственно, ни философскими доводами. Такъ долженъ бы былъ понимать слова Христовы и Толстой. Но что бы изъ этого вышло?—Явное искаженіе всего новозавѣтнаго ученія; вотъ почему, въ противорѣчіе самому себѣ, но изъ желанія удержать свой принципъ непротивленія во что бы то ни стало, Толстой и увидѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать совершенно произвольно, а не по логическимъ законамъ человѣческаго мышленія. Но произволь не поддерживаетъ, а напротивъ только распатываетъ начала общественной жизни и дѣятельности. Основанное на произволѣ одного человѣка, общество долго существовать не можетъ. А между тѣмъ, у Толстого на каждомъ шагу господствуетъ безпредѣльный произволъ въ истолкованіи даже его основного принципа непротивленія. По буквальному пониманію, какого требуетъ Толстой, Иисусъ Христосъ не дѣлаетъ никакого исключенія, говоря: „не противься злу“. Такъ, повидимому, хотѣлъ

бы учить и Толстой; но внутреннія противорѣчія такого пониманія вынуждаютъ его по временамъ быть совершенно произвольнымъ толкователемъ этого изреченія. Такъ еще десять лѣтъ тому назадъ онъ говорилъ ¹⁾: „не могу употреблять какое бы то ни было насиліе противъ какого бы то ни было человѣка, за исключеніемъ ребенка, и то только для избавленія его отъ предстоящаго ему *тотъ часъ же* зла“. Это исключеніе для ребенка Толстой дѣлаетъ только потому, конечно, что ребенокъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, и не предвидитъ, какое зло повлечетъ за собою его дѣйствіе. Но есть и взрослые, по уму своему, ничѣмъ не отличающіеся отъ дѣтей; что съ ними дѣлать? Можно ли употреблять противъ нихъ насиліе, какъ противъ ребенка, также для избавленія ихъ отъ предстоящаго имъ тотчасъ же зла? Почему ребенку, ради его непониманія, можно оказывать противленіе для избавленія его отъ предстоящаго ему зла тотчасъ же; а когда этотъ же самый ребенокъ бросаетъ на меня ножъ, я долженъ подставить ему свою грудь?... Удивительно ли, если общества, основанныя на такихъ произвольныхъ и полныхъ противорѣчія началахъ, не могутъ существовать и распадаются почти тотчасъ послѣ своего учрежденія?...

Но еще болѣе лишается жизненной силы ученіе Иисуса Христа о непротивленіи злу, когда Гаррисонъ, Балу, а за ними и нашъ Толстой навязываютъ ему коммунистическій характеръ и на основаніи его учатъ о необходимости отрицанія права собственности. Это ученіе само способно разрушить то общество, въ основу котораго оно положено. Въ этомъ отношеніи весьма характеристичный фактъ былъ сообщенъ изъ жизни толстовцевъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1891 году ²⁾. Членомъ одной колоніи толстовцевъ (Андреевской) состоялъ одинъ крестьянскій парень. „Видитъ онъ, что зипунишка на немъ стала разваливаться, а на другихъ пиджаки и поддевки здоровые. Всталъ парень утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевку и надѣлъ, а зипунишко своей бросилъ. Проснулись андреевцы и видятъ происшедшее. Хозяинъ поддевки обращается къ парню.

— Ты зачѣмъ надѣлъ мою поддевку?

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 223.

²⁾ № 246.

- Потому что *моя* развалилась, а *твоя* мнѣ понравилась.
 — Ну, ну, скидавай! Чтò бобы-то разводить.
 — Зачѣмъ я буду скидавать? Это поддевка *моя*.
 — Скидавай, говорятъ тебѣ! А то я *самъ* сниму.
 — Ну-ка, по-пробуй! Чтò же ты вѣру свою хочешь смѣнить? Сказано: злomu не противься.

Хозяинъ поддевки не зналъ, чтò дѣлать, — стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ казусомъ.

— Ну, ну, Петька, довольно шутить; мнѣ на работу нужно идти, — сказалъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Вотъ еще чтò выдумалъ! Сказано, не дамъ. А если станешь снимать, такъ и тресну! Чтò ты мнѣ сдѣлаешь? Драться тебѣ нельзя.

Женщины стали читать парню нотацию.

— Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя приютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это не только ругаешься, но и бить хочешь. Неужели у тебя нѣтъ никакого стыда?

— Эка чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому что вѣра ваша такая. Сколько разъ сами говорили: голоднаго накорми, нагого одѣнь! то-то! Говорите одно, а дѣлаете другое: поддевки жалко стало. Сказано: не отдамъ, а если полѣзете, такъ я васъ“...

Этотъ фактъ не пригляденъ, но весьма поучителенъ и въ обществахъ толстовцевъ вовсе не представляетъ исключенія. Послушайте, чтò говорятъ толстовцы въ своихъ собраніяхъ, и вы увидите, что они признають принципъ непротивленія злу и отрицають право собственности только тогда, когда говорятъ о богатыхъ землевладѣльцахъ; а какъ дѣло коснется до уплаты податей, до помощи бѣднымъ, Толстой и его ученики поютъ совсѣмъ другую пѣсню и имъ справедливо могъ бы сказать каждый, какъ сказалъ выше парень Петька: „то-то! говорите одно, а дѣлаете другое!“

Не „уговоръ замалчиванія“, а искаженіе ученія Христова и совершенный произволь дѣлають бесплодными и недолговѣчными общества „непротивленцевъ“. Толстой только не захотѣлъ понять того урока, какой указали ему американцы въ судьбѣ квакеровъ, Гаррисона и Балу...

II.

Антикритика Толстого.

Вторую главу или второй параграфъ своего послѣдняго сочиненія Толстой посвящаетъ критическому разбору „сужденій о непротивленіи злу насиліемъ людей (*надъ людьми?*) вѣрующихъ и невѣрующихъ“, т. е., антикритикѣ. Но предварительно онъ въ нѣсколькихъ словахъ высказываетъ свое сѣтованіе на судьбу своей книги:—„Въ чемъ моя вѣра?“—„Книга, по выходѣ ея, какъ я и ожидалъ,—говоритъ Толстой ¹⁾),—была запрещена и по закону *должна была быть сожжена*“.—Что-же, такъ и сожгли ее?—Нѣтъ.—А много ли она потеряла отъ того, что ее запретили?—Ничего. Она „распространилась, говоритъ Толстой ²⁾), въ большомъ количествѣ списковъ и литографныхъ оттисковъ, и въ переводахъ, напечатанныхъ за границей“.

Въ лучшемъ положеніи, по мнѣнію Толстого, находятся его противники. „Очень скоро, говоритъ онъ ³⁾),—на книгу появились критики, не только духовныя, но и свѣтскія, которыя правительство не только допускало, но и поощряло, такъ что даже опроверженіе книги, которая считалась (кѣмъ?) никому неизвѣстной, назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ“. Но едва ли критики Толстого находились въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ и самъ Толстой. Что правительство поощряло критиковъ,—это—ложь, къ которой обращается Толстой лишь для того, чтобы подкупить читателя своимъ положеніемъ угнетаемаго и преслѣдуемаго. Далѣе,—если по цензурнымъ условіямъ запрещена была самая книга Толстого, то тѣ же самыя условія стѣсняли и критиковъ подлинными словами Толстого приводить его мнѣнія; они вынуждены были смягчать и облагораживать ихъ, улучшать, такъ сказать, положеніе самаго Толстого,—а чрезъ это, понятно, блѣднѣли и теряли силу ихъ собственныя работы. Но эти работы обыкновенно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, прежде чѣмъ поступали въ печать, подвергались еще сокращеніямъ и *слажи-*

1) Ч. I, стр. 45.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

ваніямъ со стороны редакторскаго карандаша и красныхъ цензорскихъ чернилъ... Ничего подобнаго не зналъ Толстой, и въ этомъ отношеніи его положеніе для него было выгоднѣе, чѣмъ положеніе его критиковъ. Самую строгость цензуры къ своимъ сочиненіямъ Толстой, кажется, преувеличиваетъ. Правда, что онъ вообще—и по мыслямъ, и по изложенію—часто очень циниченъ, и показывать его публикѣ во всей его красѣ даже неприлично. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что нѣкоторыя изъ его сочиненій, какъ, напр., „Крейцера Соната“,—сначала ходили по рукамъ и распространялись подпольнымъ путемъ въ рукописныхъ и литографическихъ спискахъ, а потомъ появились въ печати съ разрѣшенія цензуры. Что опроверженіе его книги—„Въ чемъ моя вѣра?“—назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ,—это дѣло не правительства, даже не совѣта академіи, а личное дѣло—одного профессора.

Своимъ критикамъ Толстой дѣлаетъ упрекъ во 1-хъ въ томъ, что всѣ они руководствовались желаніемъ *скрыть, замолчать* то, что онъ старался высказать въ своей книгѣ; во 2-хъ въ томъ, что никто изъ нихъ не отвѣтилъ прямо на поставленные имъ вопросы: обязательно ли для христіанина ученіе нагорной проповѣди и *заповѣдь* о непротивленіи злу насиліемъ? Дѣйствительно ли Христосъ требовалъ отъ своихъ учениковъ исполненія того, чему онъ училъ въ нагорной проповѣди? ¹⁾— Но чрезъ двѣ страницы ²⁾, вступая въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, Толстой находитъ уже, что на поставленные имъ вопросы его критиками такъ много дано отвѣтовъ, что для удобства разсмотрѣнія ихъ онъ даже вынужденъ былъ раздѣлить ихъ на *пять* группъ. По его словамъ, *одни* изъ его критиковъ смѣло утверждали, что насиліе не противорѣчитъ ученію Христа, что оно разрѣшено и даже предписано христіанамъ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ; *другіе* думаютъ, что „хотя дѣйствительно Христосъ училъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ и что *это зло* (?) очень высокое нравственное требованіе, но... что есть на свѣтѣ злодѣи и если не усмирять силой этихъ зло-

1) Ч. I. стр. 46.

2) Ч. I. стр. 48.

дѣвѣ, то погибнетъ весь міръ и погибнуть добрые¹⁾; *третьи* допускаютъ, что хотя заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ и обязательна для христіанина, когда зло направлено лично противъ него, она перестаетъ быть обязательной, когда зло направлено противъ ближнихъ и что тогда христіанинъ не только не обязанъ исполнять заповѣди, но обязанъ для защиты ближнихъ, противно заповѣди, употреблять насиліе противъ насилующихъ²⁾; *четвертые* не отрицаютъ заповѣди непротивленія злу насиліемъ, но признаютъ ее, какъ и всякую другую, не приписывая ей особеннаго исключительнаго значенія, какъ это дѣлаютъ сектанты³⁾; наконецъ, *пятые* просто уклоняются отъ отвѣта, дѣлая видъ, что вопросъ этотъ кѣмъ-то давнымъ давно разрѣшенъ вполне ясно и удовлетворительно и что говорить объ этомъ не стоитъ⁴⁾.—Приводя эти отвѣты своихъ критиковъ, Толстой умалчалъ о *шестомъ*, о тѣхъ богословахъ, которые всѣ указанные отвѣты соединяютъ въ одно цѣлое, рассматриваютъ ученіе Спасителя не съ одной какой либо стороны, а со всѣхъ его сторонъ, а потому отвѣтъ ихъ является полнымъ и основательнымъ.

Перваго отвѣта Толстой и разбирать не хочетъ, потому что онъ „исходитъ отъ людей, находящихся на высокихъ ступеняхъ правительственной или духовной іерархіи и вслѣдствіе этого совершенно увѣренныхъ, что на ихъ утвержденія возражать никто (даже и Толстой въ своей подпольной литературѣ?) не посмѣетъ, а если кто и будетъ возражать, то они не услышатъ (почему?) этихъ возраженій. Люди эти,—продолжаетъ Толстой⁵⁾,—большею частію до такой степени, *вслѣдствіе одурманенія властью*, потеряли представленіе о томъ, что есть то христіанство, во имя котораго они занимаютъ свое положеніе, что есть въ христіанствѣ христіанскаго представляется имъ сектантствомъ, все же то, что въ писаніи какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта можетъ быть перетолковано въ смыслъ антихристіанскомъ и языческомъ, они считаютъ основаніемъ христіан-

1) Ч. I, стр. 49—50.

2) Ч. I, стр. 50—51.

3) Ч. I, стр. 53.

4) Ч. I, стр. 55.

5) Ч. I, стр. 48.

ства... По понятіямъ этихъ людей, христіанское правительство нисколько не обязано руководиться духомъ смиренія, прощенія обидъ и любви къ врагамъ“. Вотъ все, что сказано Толстымъ, въ опроверженіе *перваго* отвѣта на поставленный имъ вопросъ. Опроверженіе ли это? Спокойное ли это разсужденіе философаствующаго ума, ищущаго божественной истины?—Нѣтъ, это—слова вражды ко всѣмъ людямъ, находящимся на высокихъ ступеняхъ правительственной или духовной іерархіи. Это—огульпая мечь всѣмъ за слово правды, произнесенное въ Бозѣ почивающимъ архіепископомъ Никаноромъ! Не пощажень никто изъ стоящихъ на высокихъ ступеняхъ іерархіи, ибо всѣ они говорили „терпкое“ для Толстого—особенно въ своихъ словахъ и поученіяхъ на высокаторжественные дни. И вотъ языкъ злобы и мщенія клевететь на нихъ, что они были *одурманены властію* и никогда не учили о смиреніи, прощеніи обидъ и любви ко врагамъ. Мы выписали здѣсь все сказанное Толстымъ для того, чтобы читатель самъ видѣлъ, какою безграничною злобою и враждою *одурманенъ* нашъ новый проповѣдникъ „истяннаго христіанства“, такъ сладко говорящій о непротивленіи злу, всепрощеніи и любви ко врагамъ... Не справедливо ли было бы и ему сказать: „то-то! говоришь одно, а дѣлаешь другое!“.

Второй отвѣтъ—о необходимости противленія злѣдѣямъ—Толстой думаетъ опровергнуть чисто софистическими изворотами. Во 1-хъ, отвѣтъ „этотъ неоснователенъ, — говоритъ онъ ¹⁾, — потому, что если мы позволимъ себѣ признать какихъ-либо людей *злѣдѣями особенными* (рака), то мы этимъ уничтожимъ весь смыслъ христіанскаго ученія, по которому *всѣ мы равны* и братья, какъ сыны одного Отца небснаго“. Такъ Толстой понимаетъ *христіанское* ученіе; но Христось училъ иначе. Онъ всегда ясно указывалъ на то, что между людьми, сынами Отца небснаго, есть *добрыя* и *злыя* и что въ *этомъ* отношеніи полнаго равенства между людьми нѣтъ. Даже въ той самой нагорной проповѣди, на которую постоянно указываетъ Толстой, Господь полагаетъ это различіе между людьми, говоря, что Богъ „повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ *злыми* и доб-

¹⁾ Ч. 1, стр. 50.

рыми и посылаетъ дождь на *праведныхъ* и *неправедныхъ*“ (Мѡ. 5, 45). Такое же различіе между добрыми и злыми людьми Христосъ постоянно указываетъ Своимъ слушателямъ, какъ свидѣлствуютъ Евангелія и въ другихъ мѣстахъ. „Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе,—училъ Онъ (Мѡ. 12, 35); а злой человѣкъ изъ злаго сокровища выноситъ злое“ (срв. Лук. 6, 45). Злыми людьми Христосъ прямо называлъ современныхъ Ему фарисеевъ: „какъ вы можете говорить доброе, будучи злы?“ (Мѡ. 12, 34). Въ притчѣ о *злыхъ* виноградаряхъ: „*злѡдѣевъ сихъ* предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ“... (Мѡ. 21, 41; Лук. 20, 16; Марк. 12, 9). Отличаетъ Господь праведниковъ отъ грѣшниковъ и въ притчѣ о страшномъ судѣ (Мѡ. 25, 31—46) и во многихъ другихъ мѣстахъ и притчахъ. Поэтому ясно, что учить, будто бы христіанство не различаетъ между людьми добрыхъ и злѡдѣевъ, потому что „все мы равны и братья, какъ сыны одного Отца небеснаго“,—значить—прямо „уничтожать весь смыслъ христіанскаго ученія“ и стать въ непримиримое противорѣчіе съ яснымъ и точнымъ ученіемъ Иисуса Христа.

Такимъ же софизмомъ отличается и другое основаніе, указываемое Толстымъ противъ приведеннаго имъ отвѣта. „Если бы и было разрѣшено Богомъ употреблять насиліе противъ злѡдѣевъ,—говорить Толстой ¹⁾,—то никакъ нельзя найти того вѣрнаго и несомнѣннаго опредѣленія, по которому можно навѣрное отличать злѡдѣя отъ незлѡдѣя“.—Итакъ, Толстому трудно отличать злѡдѣя отъ незлѡдѣя! Воля Божія, ясно выраженная въ Божественномъ Откровеніи, для него не можетъ еще быть „вѣрнымъ и несомнѣннымъ опредѣленіемъ“, того, кто злѡдѣй, а кто—человѣкъ добродѣтельный! Христосъ въ Своемъ ученіи еще недостаточно показалъ, гдѣ добро, и гдѣ—зло! Совѣсть также не можетъ подсказать человѣку, что—хорошо, а что—дурно! По ученію христіанскому, для людей, знающихъ волю Божію, „закономъ познается грѣхъ“ (Рим. 3, 20); для людей, не знающихъ воли Божіей—совѣстію, „ибо когда язычники, говоритъ св. Ап. Павель, не имѣющіе закона, по природѣ за-

1) Ч. 1, Стр. 50.

конное дѣлають, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ: они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Рим. 2, 14, 15).

Софистичнымъ является у Толстого и послѣднее основаніе, указываемое имъ противъ приведеннаго отвѣта. „Еслибы и было возможно несомнѣнно узнавать злодѣевъ отъ незлодѣевъ,—говорить Толстой ¹⁾,—то и тогда нельзя бы было въ христіанскомъ обществѣ казнить или калѣчить, или заперать въ тюрьмы этихъ злодѣевъ, потому что въ христіанскомъ обществѣ некому бы было исполнить это, такъ какъ каждому христіанину, какъ христіанину, предписано не дѣлать насилія“. Подобное разсужденіе логика называетъ *ложнымъ* умозаключеніемъ—*idem per idem* (то-же чрезъ то-же) и къ нему обыкновенно прибѣгаютъ уже только тогда, когда совершенно теряются и не находятъ, что можно было бы возразить еще своимъ противникамъ. Сущность разсужденія Толстого слѣдуетъ выразить такъ: „противиться злодѣямъ нельзя, потому что нельзя (запрещено) имъ противиться“. Послѣ этого противники обыкновенно говорятъ: „довольно! такъ нельзя разсуждать“. Дѣло въ томъ, что Толстому-то именно и слѣдовало доказать сначала,—почему нельзя противиться злодѣямъ;—а отъ этого доказательства онъ счелъ за лучшее уклониться...

Третій отвѣтъ—о необходимости противленія для защиты ближняго,—собственно говоря, заключается уже во второмъ. Противъ него Толстой указываетъ возраженіе, состоящее 1) въ томъ, что нѣтъ вѣрнаго и несомнѣннаго „опредѣленія, что считать опасностью для другого“, а во 2) въ томъ, „что никогда при употребленіи насилія противъ несовершеннолѣтняго еще зла нельзя знать, какое будетъ больше—зло ли моего насилія или того, отъ котораго я хочу защищать“ ²⁾. Мы не вѣримъ, чтобы Толстой дѣйствительно дошелъ до той „превратности ума“ (Рим. 1, 28), при которой нельзя отличать опасности отъ безопасности, и потому не будемъ въ этомъ пунктѣ и опровергать его. Что же касается до опредѣленія того, гдѣ будетъ зло въ

1) Ч. 1, стр. 50.

2) Ч. 1, стр. 52.

защитѣ ли или въ нападеніи на ближняго, то ясно для каждаго, что въ этомъ случаѣ будетъ сдѣлано только *добро* и при томъ для всѣхъ трехъ: подвергающійся нападенію будетъ избавленъ отъ зла, которое причинилъ бы ему нападающій; нападающему будетъ сдѣлано добро чрезъ недопущеніе его къ совершенію зла ближнему; для защищающаго добро будетъ состоять уже въ его сознаніи, что онъ не допустилъ совершиться злу и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ добро для двухъ своихъ ближнихъ.

Четвертый отвѣтъ, по которому ученіе Спасителя о непротивленіи злу не отличается отъ всѣхъ другихъ заповѣдей блаженства и ему не приписывается исключительнаго значенія, какъ это дѣлаютъ сектанты, Толстой называетъ ¹⁾ изворотомъ очень искуснымъ, сводящимъ прямое сознательное отрицаніе заповѣди къ случайному нарушенію ея. Противъ этого отвѣта Толстой возражаетъ указаніемъ на то, „что отношеніе церковныхъ учителей къ заповѣдямъ, которыя они признаютъ, и къ этой—совершенно различно“... „Никогда церковные проповѣдники,—говоритъ Толстой ²⁾,—не указываютъ случаявъ, когда заповѣдь противъ блуда должна бы была нарушиться, и всегда поучаютъ тому, что должно избѣгать соблазновъ, вводящихъ въ искушеніе противъ блуда. Но не то съ заповѣдью непротивленія. Всѣ церковные проповѣдники знаютъ случаи, когда заповѣдь эта можетъ быть нарушена. И такъ и учатъ людей“.

Совершенно понятно, что отвѣтъ этотъ крайне былъ неприятенъ Толстому. Вѣрный своимъ социалистическимъ взглядамъ и стремленіямъ, Толстой много лѣтъ искажалъ все христіанское ученіе для того только, чтобы въ немъ найти для нихъ какое либо основаніе, такъ какъ всѣ философскіе доводы, за которые онъ хватался раньше,—пантеистическіе, матеріалистическіе, пессимистическіе и т. п. потеряли всякій кредитъ у здравомыслящихъ людей, а для простыхъ христіанъ обязательно только ученіе Евангельское. Такое основаніе онъ думалъ найти въ своеобразномъ пониманіи ученія Спасителя о непротивленіи злу или

1) Ч. I. Стр. 54.

2) Тамъ-же.

злону и по этой причинѣ объявилъ это ученіе *сущностью всего христіанства*. И вдругъ теперь нашлись люди, которые ему доказываютъ, что въ ученіи о непротивленіи злу вовсе не состоитъ сущность евангельскаго ученія и ключъ къ пониманію всего содержанія Евангелій. Такой смѣлый отвѣтъ поразилъ Толстого; но тѣмъ не менѣе люди, давшіе этотъ отвѣтъ, были совершенно правы.

Теперь Толстой трактуетъ „христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ *новое* жизнепониманіе“; теперь онъ хочетъ научить людей жить „по—христіански“ безъ—христіанскаго вѣроученія, преподаетъ имъ мораль безъ догматовъ, нагорную проповѣдь безъ никейскаго символа вѣры. Но десять лѣтъ тому назадъ онъ самъ говорилъ не то. Онъ утверждалъ тогда, что ученіе Христа раздѣляется на ибическое и метафизическое и что первое есть непосредственное слѣдствіе второго, такъ какъ именно метафизическое ученіе показываетъ человѣку, почему онъ долженъ поступать такъ, а не иначе. „Ученіе Христа, говорилъ тогда Толстой ¹⁾),—не можетъ не быть принято людьми... Метафизическое ученіе Христа не новое... Но сила ученія Христа въ приложеніи этого *метафизическаго* ученія къ жизни.“ И эта мысль совершенно вѣрна. Христось сказалъ: „Не противься злу!“.—Но во имя чего я долженъ это дѣлать?—Такъ училъ Христось.—Вѣрно. Но почему Христось училъ не противиться злу? На чемъ основано Его ученіе?—На эти вопросы отвѣтъ одинъ: ученіе Христа о нравственной дѣятельности человѣка, а слѣдовательно и о непротивленіи злу, непосредственно вытекаетъ изъ Его ученія о Богѣ и объ Его отношеніи къ человѣку, объ Его промышленіи и искупленіи. Зачѣмъ я долженъ совершать дѣла христіанскаго милосердія? Почему я обязанъ повиноваться Христу? На эти вопросы можетъ отвѣчать только истинный христіанинъ. Онъ знаетъ, что Христось искупилъ его Своею смертію, заплатилъ за него долгъ Богу,—и онъ остается Его вѣчнымъ должникомъ. Помогая нищему, христіанинъ знаетъ, что этимъ онъ не дѣлаетъ ничего особеннаго, кромѣ того, что ушачиваетъ только незначитель-

¹⁾ Въ чемъ моя вѣра? стр. 211.

ную часть своего долга Христу; не людям, а самому Спасителю христіанинъ отдаетъ все то доброе, что жертвуетъ для ближнихъ. Сынъ Человѣческой скажетъ нѣкогда и Самъ праведникамъ: „такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (Мѣ. 25, 40). Христіанинъ считаетъ себя обязаннымъ исполнять волю своего Икупителя, потому что сознаетъ себя предъ Нимъ неоплатнымъ должникомъ. Если же все нравственное ученіе Христа находится въ непосредственной зависимости отъ Его догматическаго (или, какъ говоритъ Толстой, метафизическаго) ученія, то ясно, что сущность христіанскаго ученія состоитъ не въ ученіи о непротивленіи злу, а въ томъ, откуда вытекаетъ и отъ чего зависитъ и само это ученіе о непротивленіи.

Мало того, даже въ самой области христіанской морали, или христіанскаго нравоученія ученіе о непротивленіи злу не имѣетъ какого либо особеннаго, самостоятельнаго значенія, и вовсе не составляетъ сущности христіанскаго нравоученія. Сущность христіанской морали составляетъ единственно заповѣдь о любви къ Богу и къ ближнимъ. Эта заповѣдь съ необходимостію вытекаетъ изъ самаго понятія о Богѣ и Его отношеніи къ человѣку. „Богъ есть любовь. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умиловленіе за грѣхи наши... Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ... И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего“ (1 Іоан. 4, 8—11; 19, 21). „На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Мѣ. 22, 40). Чтобы человѣкъ не нарушалъ этихъ заповѣдей, Богъ поставилъ для него и внѣшнія, объективныя преграды, предостереженія, запрещенія, или *заповѣди* въ собственномъ смыслѣ, какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и въ отношеніи къ ближнимъ: не вреди жизни ближняго, не вреди его чести, не вреди его имуществу, не вреди ему словомъ, не вреди ему даже и своими мыслями. Но исполняя эти заповѣди, мы еще только воздерживаемся отъ нарушенія заповѣди о любви къ ближнему, но

не проявляемъ исполненія ея положительно: если мы воздержались отъ убіенія ближняго, то этимъ еще *положительнаго* добра ему не сдѣлали. Степень и размѣры нашего активнаго и положительнаго осуществленія заповѣди о любви къ ближнимъ, проявляющагося въ облегченіи его страданій, въ оказаніи помощи въ его нуждѣ и т. п., зависитъ уже не отъ внѣшнихъ побужденій, а отъ внутренняго *субъективнаго* настроенія, или степени нравственнаго усовершенствованія, усердія. Если я не отдаю изъ своего имущества ничего бѣднымъ, то,—хотя я дѣйствую и не въ духѣ Христовомъ,—я еще не совершаю положительнаго нравственнаго преступленія, какъ это дѣлаетъ берущій чужое,—воръ,—но я еще не дѣлаю и ничего хорошаго не имѣю никакой заслуги, или добродѣтели. Только съ возрастаніемъ вѣры въ Бога и въ Его безконечную любовь къ падшему человѣку мало по малу у христіанина развивается *внутренняя необходимость* не только воздержаться отъ зла, какъ того требуютъ *заповѣди*, но и дѣлать ближнимъ добро. Никакими другими внѣшними побужденіями, запрещеніями или заповѣдями нельзя вызвать у человѣка этой внутренней необходимости дѣлать ближнимъ добро, быть добродѣтельнымъ. Вотъ почему и Христосъ *не заповѣдуетъ*, а только ублажаетъ, располагаетъ людей быть милостивыми: „Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ“; человѣку, соблюдавшему всѣ заповѣди, препятствовавшія вредить ближнему, Христосъ сказалъ: *если хочешь быть совершеннымъ*, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ⁴ (Мѡ. 19, 21). Такъ какъ дѣла христіанскаго милосердія завясятъ исключительно отъ внутренняго настроенія, отъ чисто субъективныхъ побужденій, то ихъ значеніе и достоинство также опредѣляются не внѣшнимъ ихъ проявленіемъ, не количествомъ или размѣрами, а однимъ лишь усердіемъ, степенью любви къ Богу и ближнимъ, вслѣдствіе чего двѣ лепты вдовы получаютъ большее значеніе, чѣмъ жертвы богачей, превосходящія ихъ своими размѣрами, но не усердіемъ жертвователей.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, какъ проявляется любовь къ ближнимъ *активно* въ формѣ христіанскаго милосердія. Но она можетъ выражаться и *пассивно*. Люди, наши ближніе, могутъ также посягать и на *нашу* жизнь, честь, имуще-

ство и т. п. Допустимъ, что ихъ не удержали *заповѣди прещенія*: не убей, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, не завидуй. Какъ мы должны отнестись тогда къ этимъ людямъ?—Мы можемъ руководствоваться справедливостію и поставить себя подъ охрану закона. „Если согрѣшитъ *противъ тебя* братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то приобрѣлъ ты брата своего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово; если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѣ. 18, 15—17). „Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, выговори ему,—говорить Спаситель въ другомъ мѣстѣ (Лук. 17, 3), и *если покается*, прости ему“. Но законъ правды требуетъ устрашеній и наказаній преступникамъ. „Мы знаемъ, что законъ добръ,—пишетъ Ап. Павелъ Тимоѳею (1 Тим. 1, 8—10),—если кто законно употребляетъ его, зная, что законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокорливыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и оскверненныхъ, для оскорбителей отца и матери, для челоуѣкоубійць... лжецовъ, клятвопреступниковъ и для всего, что противно здравому ученію“. Ап. Павелъ обличалъ коринѣскихъ христіанъ за то, что они не имѣли собственныхъ судей и съ своими тяжбами обращались къ суду язычниковъ. „Неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла?... Вы когда имѣете житейскія тяжбы, поставяете своими судьями ничего не значущихъ въ церкви. Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ-бы разсудить между братьями своими?“ (1 Кор. 6, 2—5).

Но когда челоуѣкъ ставитъ лично себя (а не другихъ) подъ защиту справедливости и закона, онъ не дѣлаетъ ничего дурного, но и ничего добраго, или хорошаго; ибо справедливость только уравниваетъ отношенія людей. Любовь же къ ближнимъ, при извѣстной степени нравственнаго самоусовершенствованія, называемаго *протостію*, а въ высшей степени самоотверженіемъ можетъ поставить челоуѣка выше самаго закона и выше удовлетворенія требованій справедливости. „Ми-

лость превозносится надъ судомъ“ (Іак. 2, 13). На этой ступени нравственнаго совершенства человекъ можетъ уже относиться къ обижающему его ближнему не такъ, какъ требуетъ законъ, или справедливость, а такъ, какъ движетъ его нравственное чувство, ставшее выше закона, та сила любви къ ближнимъ, до которой онъ возвысился. „Къ однимъ будьте милостивы съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ спасайте“ (Іуд. I, 22—23). Ап. Павелъ, какъ мы видѣли, дозволяетъ христіанамъ имѣть своихъ судей и обращаться къ нимъ съ своими тяжбыми дѣлами; но въ то же время онъ хотѣлъ бы видѣть христіанъ на степени высшаго нравственнаго совершенства, когда бы они могли прощать своихъ обидчиковъ и не прибѣгать къ защитѣ суда. „И то уже весьма унижительно для васъ, говоритъ онъ (1 Кор. 6—7),—что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?“

Итакъ, при извѣстной степени нравственнаго самоусовершенствованія, по чисто внутреннимъ и субъективнымъ побужденіямъ, христіанинъ можетъ *не противиться злему*, можетъ оставаться обиженнымъ по примѣру Христа и изъ любви къ Нему. Но такъ какъ это достигается лишь по внутреннимъ и субъективнымъ мотивамъ, въ силу извѣстной степени нравственнаго усовершенствованія, то Апостоль этого и *не требуетъ*, а только *советуетъ*, говоря: „лучше было бы“...

На самой высшей степени нравственнаго самоусовершенствованія, когда человекъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется уже одною любовію къ ближнимъ, а не заповѣдями, въ началѣ только ограждавшими его отъ поступковъ, противорѣчащихъ любви къ ближнему, онъ можетъ, по тѣмъ же внутреннимъ или субъективнымъ нравственнымъ побужденіямъ не только не противиться злу и прощать враговъ, но и платить имъ за зло добромъ: благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящимъ и молиться за обижающихъ и гоняющихъ, т. е., можетъ даже любить своихъ враговъ, жертвовать для нихъ своею жизнію, по примѣру его Спасителя, молившагося на крестѣ за своихъ распинателей: „Отче отпусти имъ“ и пр. (Лук. 23, 34).

Итакъ, изъ сказаннаго видно, что хотя непротивленіе злу,

прощеніе враговъ и дѣланіе имъ добра и входятъ въ общее понятіе о любви къ ближнимъ, какъ и заповѣди закона, но между ними есть большое различіе: заповѣди—только внѣшняя, объективная преграда, охраняющая человѣка отъ *нарушенія* любви къ ближнимъ, а непротивленіе злу есть одинъ изъ высшихъ видовъ *проявленія* любви къ ближнимъ. Заповѣди, какъ объективныя *правила*, какъ кодексъ закона, обязательны для всѣхъ и на нихъ можетъ и долженъ быть основанъ, какъ нравственный, такъ и государственный, и общественный строй жизни христіанскихъ народовъ. Непротивленіе же злу не есть *правило*, а только высшее *состояніе души* человѣка, указываемое ученіемъ о любви христіанской, обусловленное степенью нравственнаго развитія, степенью дѣятельнаго усвоенія ученія Христа о любви къ ближнимъ, и имѣеть чисто *субъективный* характеръ. Заставить человѣка прощать врагамъ и любить ихъ нельзя, такъ какъ не будетъ дѣломъ христіанской любви то, что сдѣлано вынужденно, внѣшними требованіями, а не добровольно по внутреннимъ только побужденіямъ, вслѣдствіе внутренней борьбы съ самолюбіемъ, своекорыстіемъ, эгоизмомъ, т. е. вслѣдствіе внутреннего *подвига самоотверженія*. Поэтому ученіе Спасителя о непротивленіи злу и не должно быть даже называемо въ собственномъ смыслѣ *заповѣдію*, требованіемъ объективнымъ. Толстой былъ введенъ въ заблужденіе русскимъ переводомъ Евангелія отъ Маттея, передавшимъ это ученіе Спасителя въ формѣ повелительнаго наклоненія: „не противься злему“; но правильнѣе славянскій переводъ: „не противитися злему“, потому что въ греческомъ Евангеліи стоитъ—ἀντιστηναι—въ неопредѣленномъ наклоненіи аориста, а не въ повелительномъ наклоненіи настоящаго времени, какъ это сдѣлано въ русскомъ переводѣ—„не противься“. Поэтому нашъ ученый противникъ Толстого—А. Гусевъ совершенно справедливо находитъ вмѣстѣ съ профессоромъ Некрасовымъ¹⁾, что 39-й стихъ 5-й главы Евангелія отъ Маттея слѣдовало бы читать такъ: „А я говорю вамъ не то, чтобы не уступить злему человѣку, а напротивъ, кто ударитъ тебя по правой щекѣ, подставь

1) Основныя „религіозныя“ начала графа Л. Н. Толстого. Казань. 1893. Стр. 67.

тому и другую⁴. Толстой, называющій ученіе о непротивленіи злу *заповѣдію* и полагающій въ ней всю сущность *христіанскаго* ученія, самъ однако-же говоритъ ¹⁾, что „въ нагорной проповѣди выраженъ Христомъ и *блжннй* идеаль, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень его достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми“ (она достижима была и во все дни христіанства). Но если нагорная проповѣдь представляетъ только идеаль, къ которому свойственно стремиться людямъ, то и содержащееся въ ней ученіе Христа не можетъ быть понимаемо только какъ сборникъ правилъ или заповѣдей. Что непротивленіе злу не есть заповѣдь, составляющая сущность христіанскаго ученія, видно изъ того, что оно возвѣщено людямъ въ первый разъ не въ нагорной проповѣди, даже и не въ Евангеліи. Какъ вытекающее изъ внутренняго состоянія души, неразрывнаго съ любовью къ ближнему, оно было возвѣщено людямъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ вмѣстѣ съ заповѣдію о любви. „Не враждуй на брата твоего въ сердцѣ твоёмъ,—писалъ Моисей въ Ветхомъ Завѣтѣ (Лев. 19, 17, 18),—не мсти и не имѣй злобы на сыновъ народа твоего, но люби ближняго твоего, какъ самого себя“. Соломонъ наставлялъ: „Начало ссоры—какъ прорывъ воды: оставь ссору прежде, нежели разгорѣлась она“ (Прит. 17, 14). „Не радуйся, когда упадетъ врагъ твой, и да не веселится сердце твое, когда онъ споткнется“ (24, 17). „Не негодуй на злодѣевъ и не завидуй нечестивымъ“ (ст. 19). „Не говори: какъ онъ поступилъ со мною, такъ и я поступлю съ нимъ: воздамъ челоуѣку по дѣламъ его“ (ст. 29). „Если голоденъ врагъ твой, накорми его хлѣбомъ; и если онъ жаждетъ, напои его водою“ (25, 21). У пророка Іереміи читаемъ: „Благо челоуѣку, когда онъ... подставляетъ лавиту свою біоцему его“ (Плачь Іер. 3, 30).—Подобныхъ изреченій изъ ветхозавѣтныхъ писаній можно привести весьма много. Но ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ непротивленіе злу не имѣетъ даже и вида заповѣди, а преподается только какъ наставленіе, или совѣтъ, который можетъ быть принимаемъ лишь свободно, безъ внѣшняго побужденія, а по

¹⁾ Царство Божіе Ч. I. Стр. 144.

одному внутреннему состоянію каждаго и по степени нравственнаго совершенства. Очевидно, что этотъ совѣтъ не можетъ имѣть силы обязательнаго требованія для всѣхъ людей въ виду различія тѣхъ ступеней нравственнаго развитія, на которыхъ находятся и всегда будутъ находиться люди, а потому онъ не можетъ быть положенъ въ основаніе ни общественнаго, ни государственнаго строя человѣческой жизни.

Послѣ сказаннаго ясно, почему церковные проповѣдники не могутъ предъявлять къ людямъ такихъ же требованій при изложеніи ученія Спасителя о непротивленіи злему, какъ при изъясненіи положительныхъ заповѣдей. И мы не думаемъ, чтобы Толстой могъ этого не понимать.

Наконецъ, къ *пятому* разряду Толстой относитъ тѣхъ своихъ критиковъ, которые, по его словамъ, уклоняются отъ отвѣта, дѣлая видъ, что вопросъ этотъ (о непротивленіи злу) кѣмъ-то давнымъ давно разрѣшенъ вполне ясно и удовлетворительно и что говорить объ этомъ не стоитъ ¹⁾. Зло издѣваясь надъ этими критиками, Толстой такъ объясняетъ себѣ ихъ поведеніе: „Зная, что противорѣчіе, существующее между ученіемъ Христа, которое мы на словахъ исповѣдуемъ, и всѣмъ строимъ нашей жизни, нельзя распутать словами и, касаясь его, можно только сдѣлать его еще очевиднѣе, они съ большей или меньшей ловкостью, дѣлая видъ, что вопросъ о соединеніи христіанства съ насиліемъ уже разрѣшенъ или вовсе не существуетъ, обходятъ его“ ²⁾. Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько выдержекъ изъ критики Фаррара, и выразивъ ему благодарность за то, что онъ усмотрѣлъ у нашего лжефилософа „самую благородную искренность“, Толстой продолжаетъ: „И таковы безъ исключенія всѣ критики *культурныхъ вѣрующихъ людей* и потому *понимающихъ опасность своего положенія*. Единственный выходъ изъ него для нихъ надежда на то, что, пользуясь авторитетомъ церкви, древности, святости, можно запугать читателя, отвлечь его отъ мысли самому прочесть Евангеліе и самому своимъ умомъ обдумать вопросъ. И это удается: кому въ самомъ дѣлѣ придетъ въ голову то, что все то, что съ такой увѣренностью и торжествен-

¹⁾ Ч. I, стр. 55.

²⁾ Стр. 56.

ностью повторяется изъ вѣка въ вѣкъ всѣми этими архи-
діаконами, епископами, архіепископами, святѣйшими синодами
и папами, что все это есть *глупая ложь и клевета*, взводи-
мая ими на Христа для обезпеченія денегъ, которыя имъ нуж-
ны для сладкой жизни на шеяхъ другихъ людей,—*ложь и*
клевета до такой степени очевидна, особенно теперь, что един-
ственная возможность продолжать эту *ложь* состоитъ въ томъ,
чтобы запугивать людей своей увѣренностью, своей *безсовест-*
ностью ¹⁾.

Въ виду этого словоизверженія Толстого, думается, что са-
мый ярый его послѣдователь не можетъ не видѣть здѣсь явной
лжи и клеветы на служителей церкви! Онъ упрекаетъ архи-
діаконовъ, епископовъ и архіепископовъ и Св. Синодъ за то,
что, изъ-за личныхъ своихъ интересовъ, они будто-бы отвле-
каютъ людей отъ мысли самимъ прочесть Евангеліе. Да въ
Россіи ли дѣйствительно живетъ Толстой, что онъ такъ мало
знаетъ, что въ ней дѣлается?—Къ сожалѣнію, да,—онъ жи-
ветъ въ Россіи и прекрасно знаетъ, что въ ней дѣлается,
знаетъ, что русскіе іерархи болѣе всего заботятся о распро-
страненіи въ народѣ книгъ Св. Писанія на понятномъ русскомъ
языкѣ, содѣйствуютъ ихъ удешевленію, желая, чтобы Евангеліе
было настольною книгою въ каждой даже крестьянской семьѣ;
но Толстой только дѣлаетъ видъ, что ничего этого онъ не знаетъ.
Какъ же иначе ему можно было бы бросать грязью во всѣхъ
и cadaго?...

Но что же въ своей этой ругани Толстой сказать въ опро-
верженіе своихъ критиковъ?—Ничего, да ничего и не могъ ска-
зать, потому что его критики были правы. Вопросъ о томъ,
какъ нужно понимать ученіе Спасителя о непротивленіи злу
дѣйствительно уже рѣшенъ давнымъ давно и вполне основа-
тельно. Новѣйшіе богословы только раскрываютъ его въ част-
ностяхъ, обосновываютъ и уясняютъ. Только Толстой ложно
думаетъ, что это ученіе замолчано церковными проповѣдниками
и что будто бы только онъ или квакеры первые указали на него
людямъ. По словамъ Толстого будто-бы въ четвертомъ вѣкѣ,

1) Стр. 59—60.

христіанская церковь совершенно исказила ученіе Христа. Но Іоаннъ Златоустъ жилъ именно въ этомъ вѣкѣ и вотъ какъ онъ объясняетъ ученіе Спасителя о непротивленіи злу. „Приведши постановленіе ветхаго закона и прочитавши оное отъ слова до слова, Спаситель, говоритъ Златоустъ ¹⁾), — присовокупляетъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу...* Что же, скажешь ты: ужели намъ не должно противитися лукавому? Должно, но не такъ, а какъ повелѣлъ Самъ Спаситель, то есть, готовностію терпѣть зло. Симъ образомъ ты дѣйствительно побѣдишь лукаваго. Ибо не огнемъ погашаютъ огонь, а водою... Далѣе Спаситель требуетъ еще высшаго любомудрія, когда повелѣваетъ обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку, и такимъ образомъ еще сильнѣе поборать его своимъ великодушіемъ. И это говоритъ онъ не для того, *чтобы дать законъ, повелѣвающий переносить обиды*, но чтобы во всѣхъ другихъ случаяхъ научить насъ незлобію. Ибо какъ въ томъ случаѣ, такъ и здѣсь не только предписываетъ, чтобы мы одни заушенія переносили великодушно, но чтобы и ничѣмъ подобнымъ мы не возмущались... Предписывая же сіе, Спаситель имѣетъ въ виду пользу и біющаго и біемаго. Ибо обиженный, вооружившись тѣмъ любомудріемъ, которому научаетъ Спаситель, будетъ думать, что онъ не потерпитъ никакого зла; онъ даже не будетъ и чувствовать обиды, почитая себя ратоборцемъ, и не думая объ ударѣ. А обижающій, будучи постыжденъ, не только не нанесетъ другого удара, хотя бы онъ былъ люте всякаго звѣря; но и за первый будетъ крайне обвинять себя. Ибо ничто такъ не удерживаетъ обижающихъ, какъ кроткое терпѣніе обижаемыхъ. Оно не только удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшихъ порывовъ, но еще заставляетъ раскаяться и въ прежнихъ, и дѣлаетъ то, что они отходятъ отъ обиженныхъ, удивляясь ихъ кротости... Но мщеніе производитъ совершенно противныя слѣдствія. Оно обоихъ вводитъ въ стыдъ и дѣлаетъ худшими; а гнѣвъ еще больше воспламеняетъ... Посему Спаситель заушаемому не только запретилъ гнѣваться, но и повелѣлъ насытить желаніе ударяющаго такъ,

1) Бесѣды на Мате. Ч. I, М. 1846, стр. 369—380.

чтобы вовсе и непримѣтно было, что ты первый ударъ претерпѣлъ невольно. Ибо такимъ образомъ ты безстыднаго поразишь гораздо чувствительнѣе, нежели какъ бы ты ударилъ его рукою, и изъ безстыднаго содѣлаешь его кроткимъ. Но Спаситель хочетъ, чтобы мы показывали подобное незлобіе не только, когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ взять отъ насъ имѣніе... Впрочемъ не просто предложилъ сіе послѣднее правило. Ибо не сказалъ: *отдай просящему срachus*, но—*хотящему судитися съ тобою*; т. е., если онъ влечетъ тебя въ судъ и хочетъ завести съ тобою дѣло... Но если тщательнѣе рассмотримъ слова Спасителя, то увидимъ, что въ нихъ заключается новое предписаніе гораздо еще высшее. Ибо онъ не только повелѣваетъ любить враговъ, но и молиться за нихъ. Видишь ли, на какія возшелъ онъ степени, и какъ поставилъ насъ на самый верхъ добродѣтели? Смотри и исчисляй оныя, начавши съ первой: первая степень—не начинать обиды; вторая, — когда она уже причинена, не воздавать равнымъ зломъ обидѣвшему; третья—не только не дѣлать обижающему того, что ты потерпѣлъ отъ него, но и оставаться спокойнымъ; четвертая—предавать себя самого зло страданію; пятая—отдавать болѣе, нежели сколько хочетъ взять причиняющей обиду; шестая—не ненавидѣть его; седьмая—даже любить его; осьмая—благодѣтельствовать ему; девятая—молиться о немъ Богу... Но какъ это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Богъ для тебя содѣлался человѣкомъ; что Онъ такъ унижилъ Себя, и такъ много пострадалъ за тебя; и еще ли спрашиваешь и недоумѣваешь, какъ можешь ты прощать обиды равнымъ себѣ? Не слышишь ли, что говоритъ Онъ на крестѣ: *остави имъ, не судятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34)?.. Когда больные, находящіеся въ сумасшествіи, наносятъ удары и обиды врачамъ своимъ; то въ сіе-то время особенно врачи жалѣютъ о нихъ и наиболѣе стараются объ ихъ излѣченіи, зная, что оная дерзость происходитъ отъ чрезмѣрной болѣзни. Подобнымъ образомъ ты имѣй такое же расположеніе духа къ злоумышляющимъ противъ тебя, и такимъ же образомъ поступи съ обижающими тебя; ибо они болѣе всѣхъ другихъ больны и терпятъ величайшее насиліе. Итакъ, освободи врага своего отъ сей жестокой напасти; заставь его бросить гнѣвъ и

избавь отъ лютаго демона—ярости. Видя бѣснующихся, мы проливаемъ слезы, а не думаемъ сами подобно имъ бѣсноваться. Будемъ поступать также и съ гнѣвающимися, ибо они подобны бѣсноватымъ, или даже несчастнѣ ихъ; потому что хотя они и бѣснуются, но еще не лишились ума⁴.

Это объясненіе Златоуста мы привели здѣсь далеко не въ полномъ его видѣ, но лишь въ краткомъ извлеченіи со многими выпусками и сокращеніями. Тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что и изъ этого извлеченія читатель увидитъ, какъ точно, ясно, и вполнѣ согласно съ духомъ евангельскимъ Св. Іоаннъ Златоустъ изъяснилъ ученіе Христа о непротивленіи злему и родственныхъ съ нимъ добродѣтеляхъ. Что можно еще прибавить къ этому прекрасному объясненію? Что въ немъ упущено изъ виду, недоговорено, невѣрно передано или неточно изъяснено? А если такъ, то не въ правѣ ли были современные намъ критики Толстого сказать, что ученіе Христа о непротивленіи злу уже давно разъяснено и истолковано? Мы не говоримъ уже о толкованіяхъ восточныхъ отцовъ церкви, каковы—Василія Великаго, Григорія Богослова, Исидора Пелусіота, преп. Максима Исповѣдника или Іоанна Лѣствичника; не говоримъ и объ изъясненіяхъ ученія Спасителя въ трудахъ русскихъ богослововъ—св. Димитрія Ростовскаго, митрополита московскаго Филарета, архіепископа Димитрія, архіеп. Филарета Гумилевскаго, Павла Кишиневскаго, Никанора, Макарія, еп. Ѳеофана, Анатолія, свящ. В. Нечаева, свящ. Елеонскаго, С. Соллертинскаго, Волкова, Гусева, Орфано и др. Судя по цитатамъ, приведеннымъ въ книгѣ: „Въ чемъ моя вѣра?“,—можно думать, что объясненіе Златоуста могло быть извѣстно и Толстому, ибо, хотя и съ искаженіями, но онъ приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ Бесѣдъ Златоуста на Евангеліе отъ Матѳея, въ которыхъ Святитель излагаетъ ученіе о значеніи ветхозавѣтнаго закона и откровенія. Но Толстой умолчалъ, дѣлая видъ, будто-бы онъ не знаетъ, какъ прекрасно объяснилъ Златоустъ ученіе Спасителя о непротивленіи. Это, впрочемъ, у Толстого приемъ обычный: промолчать о томъ, что говоритъ не въ пользу его социалистическихъ и анархическихъ чаяній. Во всякомъ случаѣ, читатель можетъ судить о томъ, насколько честно и справед-

ливо утверждает Толстой, будто-бы за все время существованія христіанства ни одинъ изъ церковныхъ проповѣдниковъ не далъ объясненія того, какъ нужно понимать ученіе Іисуса Христа о непротивленіи злу.

Отъ *духовныхъ* критиковъ своихъ (хотя нѣкоторые изъ этихъ, по Толстому, *духовныхъ* критиковъ имѣютъ чинъ статскаго и даже дѣйствительнаго статскаго совѣтника) Толстой переходитъ къ *свѣтскимъ*. Свѣтскихъ критиковъ своихъ Толстой раздѣляетъ на два разряда: русскихъ и иностранныхъ, съ подраздѣленіемъ каждаго разряда на два противоположныхъ лагеря: консерваторовъ и *революціонеровъ* (по Толстому, между русскими критиками будто бы есть и такіе!). Но само собою понятно, что онъ остался недоволенъ всѣми этими разрядами и лагерями своихъ критиковъ. Никто ему не угодил!

По адресу своихъ критиковъ Толстой прежде всего выражаетъ свое неудовольствіе на то, что они не выполнили его ожиданій. „Я ожидалъ, что *вольнодумные* писатели,—говоритъ онъ ¹⁾,—посмотрятъ на Христа не только, какъ на установителя религіи поклоненія и личнаго спасенія (какъ Его принимаютъ церковники) а, выражаясь ихъ (?) языкомъ, и какъ на реформатора, *разрушающаго* старыя и дающаго новыя основы жизни, реформа котораго не совершилась еще, а продолжается и до сихъ поръ. Такой взглядъ на Христа и его ученіе вытекаетъ изъ моей книги. Но къ *удивленію моему* изъ числа большого количества появившихся на мою книгу критикъ, не было *ни одной*, ни русской, ни иностранной, которая бы трактовала предметъ съ той самой стороны, съ которой онъ изложенъ въ книгѣ, т. е., которая бы посмотрѣла на ученіе Христа, какъ на философское, нравственное и социальное (говоря опять языкомъ научныхъ людей) (?) ученіе“.

Вотъ чего ждалъ Толстой отъ своихъ критиковъ! Опоздалое желаніе! Дѣйствительно было время, это—дни Бѣлинскаго, Писарева, Добролюбова,—когда на Христа русскіе критики и не хотѣли иначе смотрѣть, какъ на политическаго реформатора, социалиста, революціонера. Какъ извѣстно, Бѣлинскій

¹⁾ Ч. I, стр. 63.

открыто издѣвался надъ ученіемъ Христа, называя его ложнымъ и невѣжественнымъ челоуколюбіемъ, осужденнымъ современною наукою и экономическими началами, — причеиъ убѣждалъ своихъ слушателей даже въ томъ, что если бы Христосъ появился теперъ, то Онъ бы примкнулъ непременно къ соціалистамъ и пошелъ за ними ¹⁾. Конечно, если бы въ то время Толстой проповѣдывалъ свое всеразрушающее ученіе, — его ожиданія оправдались бы, — и русскіе критики только восхваляли бы это „последнее слово науки“. Но теперъ русскіе критики смотрять на вещи прямѣе и благоразумнѣе. Они знаютъ, что государственные перевороты и революціи имѣютъ свои причины и своихъ проповѣдниковъ, стоящихъ внѣ всякаго отношенія къ христіанству и его ученію. Они, наконецъ, повѣрили свидѣтельству Христа, что царство Его не отъ міра сего, и не хотять, вмѣстѣ съ іудейскими лже свидѣтелями и русскимъ врагомъ Христа — Толстымъ обвинять Богочеловѣка въ томъ, что Онъ — противникъ кесаря (Іоан. 19, 12) и „запрещаетъ давать подать кесарю“ (Лук. 23, 2), они знаютъ, что Онъ на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ (Іоан. 18, 37). Что Толстой навязываетъ ученію Христа соціалистическій и коммунистическій характеръ, — это говоритъ только о томъ, что онъ сынъ своего времени и еще теперъ продолжаетъ жить идеями, господствовавшими въ „кружкѣ“ Бѣлинскаго...

Несочувствіе ему русскихъ критиковъ Толстой думаетъ объяснить себѣ тѣмъ, что онъ не угодилъ никому изъ нихъ. Такимъ образомъ, консерваторы, по его словамъ ²⁾, нападаютъ на его ученіе потому, что оно препятствуетъ ихъ дѣятельности противленія злу, производимому революціонерами, ихъ преслѣдованіямъ и казнямъ (?); революціонеры же потому, что оно препятствуетъ противленію злу, производимому консерваторами и ихъ ниспроверженію. — О консерваторахъ мы говорить не будемъ. Но что Толстой угодилъ революціонерамъ (только не русскимъ критикамъ, а революціонерамъ въ собственномъ смыслѣ) и что его лжеученіе имъ на руку, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На обложкѣ женевского изда-

¹⁾ Достоевскій. Полное собраніе сочиненій 1886 г. т. 5 стр. 151.

²⁾ Ч. I, стр. 65.

нія книги Толстого: „Въ чемъ моя вѣра?“ они помѣстили даже объявленіе о всѣхъ своихъ также изданныхъ за-границею книгахъ и прокламаціяхъ, причисливъ *этимъ самимъ* къ числу ихъ и книгу Толстого...

Русскимъ критикамъ за ихъ несочувствіе къ своему ученію Толстой платитъ полнѣйшимъ презрѣніемъ, уличая ихъ въ невѣжествѣ и непониманіи простыхъ вещей. „Русскіе свѣтскіе критики,—говоритъ онъ ¹⁾,—очевидно *не зная всего того, что было сдѣлано по разработкѣ вопроса о непротивленіи злу* и даже иногда какъ будто предполагая, что это я лично выдумалъ *правило* непротивленія злу насиліемъ нападали на самую мысль, опровергая, извращая ее и съ большимъ жаромъ выставя аргументы *давнымъ давно уже со всѣхъ сторонъ разобранные и опровернутые* (!), доказывали, что человекъ непременно долженъ (насиліемъ) защищать всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ и что поэтому ученіе о непротивленіи злу есть ученіе безнравственное.—Насколько мы знаемъ (а мы всегда внимательно слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что было писано за и *противъ* Толстого),—Толстой искажаетъ мысли своихъ критиковъ: они нападали не на ученіе о непротивленіи злу, а на то, какъ искажилъ его Толстой, и называли безнравственнымъ не ученіе Иисуса Христа о непротивленіи злу, а лжеученіе Толстого. Толстой уличаетъ своихъ критиковъ въ томъ, что они не знаютъ *всего того, что было сдѣлано по разработкѣ вопроса о непротивленіи злу*; а самъ онъ, по его же собственному признанію ²⁾, *очень мало знаетъ* о томъ, что дѣлалось и было проповѣдуемо и писано въ прежнее время по вопросу о непротивленіи злу... И онъ же беретъ учить своихъ критиковъ... Но Толстой, конечно, долженъ знать, что бываетъ тогда, когда слѣпой ведетъ слѣпного (Мѡ. 15, 14). Не ему бы уличать другихъ въ умственномъ невѣжествѣ!..

Снисходительнѣе относится Толстой къ своимъ иностраннымъ критикамъ. Такое поведеніе Толстого нужно объяснять себѣ, конечно, съ одной стороны общепринятою, предпочтительною вѣжливостію къ *постороннимъ* людямъ, а съ другой—совершен-

¹⁾ Ч. 1, стр. 65.

²⁾ Ч. 1, стр. 1.

но понятнымъ заискиваніемъ ихъ благорасположенія въ будущемъ, такъ какъ слышно, что въ непродолжительномъ времени Толстой подаритъ міръ еще однимъ своимъ произведеніемъ—о патриотизмѣ, которое онъ началъ писать по поводу франко-русскаго сближенія и котораго ждутъ—не дождутся его нѣмецкіе почитатели. Впрочемъ, сущность дѣла не измѣняется: предъ судомъ Толстого и его иностранные критики являются точно такими же умственными невѣжами, ничего не знающими, ничего не понимающими, искажающими и извращающими его ученіе, какъ и русскіе критики; въ сравненіи съ послѣдними въ своихъ иностранныхъ критикахъ Толстой усматриваетъ¹⁾ лишь меньше раздражительности и больше культурности. Культурнѣе или некультурнѣе иностранные критики Толстого въ сравненіи съ его русскими критиками,—мы не знаемъ; мы знаемъ только одно, что они раньше русскихъ замѣтили у Толстого „трещину во лбу“ (Золя). Этимъ словомъ лучше иной критической статьи иностранными критиками охарактеризовано все то, что выходитъ изъ-подъ пера Толстого.

Говоря объ антикритикѣ Толстого, нельзя, наконецъ, не отмѣтить и его *недобросовѣстнаго* отношенія къ своимъ противникамъ. Всѣ критики Толстого свое главное вниманіе посвятили *разбору* его ученія, *опроверженію* его взглядовъ, *доказательству* ихъ невѣрности, раскрытію ихъ лжи и несостоятельности. Большинство этимъ только и ограничивало свою задачу. Немногіе шли дальше, не только опровергая лжеученія Толстого и доказывая его несостоятельность, но и предлагая читателямъ *положительное* рѣшеніе вопросовъ, затронутыхъ Толстымъ. Какъ же поступаетъ Толстой? Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи онъ, какъ мы видѣли, останавливаетъ свое вниманіе только на томъ, какъ его критики объясняютъ ученіе Иисуса Христа о непротивленіи злу, но совершенно обходитъ молчаніемъ то, *какъ* они разбираютъ его собственное ученіе и какіе они приводятъ *противъ него* доводы и основанія. Маневръ—ловкій и хитрый; немногіе изъ древнихъ софистовъ умѣли пользоваться подобными увертками. Мы не можемъ допустить того, чтобы Толстой не

1) Ч. I, стр. 66.

зналъ объ *этихъ* работахъ своихъ критиковъ и не читалъ ихъ; иначе онъ ничего не зналъ бы и о томъ, какъ они съ своей стороны рѣшаютъ вопросъ о непротивленіи злу и какъ понимаютъ они ученіе Спасителя объ этомъ предметѣ.

Чѣмъ же объяснить такое поведеніе Толстого? Почему онъ не коснулся своимъ критическимъ разборомъ того, что критики высказали *противъ* его ученія и приводимыхъ имъ доказательствъ? Это вѣдь было бы интереснѣе, чѣмъ его разборъ *положительнаго* толкованія критиковъ и противниковъ, о которомъ онъ съ чрезмѣрными подробностями неодобрительно отзывался еще десять лѣтъ тому назадъ въ книгѣ—„Въ чемъ моя вѣра?“ и нерѣдко повторяетъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи то, что имъ было уже сказано нѣсколько разъ раньше. На поставленные вопросы—отвѣтъ простой: для Толстого было крайне неудобно, *а для его дѣла* даже отчасти *убежно*—считаться съ противниками на этой почвѣ. Вѣдь для людей мыслящихъ цѣль, къ которой стремится Толстой, теперь ясна, какъ Божій день,—это—разрушеніе нынѣшняго государственнаго и общественнаго строя. Всѣ его разсужденія о Богѣ, о религіи, о христіанствѣ, о непротивленіи злу; все это—только ширма, закрывающая то, что за нею происходитъ. Но этими разсужденіями были обмануты многіе такіе, которые вовсе не раздѣляютъ его социалистическихъ, анархическихъ и коммунистическихъ стремленій. Они хотѣли бы быть только христіанами, добрыми людьми, трудолюбивыми гражданами; но по многимъ причинамъ, а въ томъ числѣ и „репутаціею Толстого, какъ писателя“ они пойманы на удочку и ихъ потихоньку тянутъ туда, куда они сами никогда бы не пожелали пойти. Критики Толстого, особенно такіе, какъ М. А. Остроумовъ, Елеонскій, Волковъ, Орфано, а больше всѣхъ Гусевъ, самымъ основательнымъ образомъ и неопровержимо раскрываютъ всю ложь въ ученіи Толстого, ясно доказываютъ, что онъ искажилъ и извратилъ все христіанское ученіе о непротивленіи злему, о негнѣвливости, о бракорасторженіи, о клятвѣ и присягѣ, о государственныхъ и общественныхъ властяхъ, о христіанской церкви, о неосужденіи ближнихъ и юридическихъ судахъ, о патриотизмѣ и войнѣ, о религіи вообще и христіанской въ частности; однимъ словомъ, они са-

мымъ основательнымъ образомъ разоблачаютъ Толстого и наглядно показываютъ его читателю такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ и куда направлены всѣ его стремленія. Толстой ясно видѣлъ, что онъ не могъ опровергнуть доводовъ своихъ противниковъ, направленныхъ противъ его ученія и потому счелъ за лучшее ихъ вовсе не касаться. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ: онъ поступилъ недобросовѣстно, но выгодно для себя. Теперь, конечно, послѣдователи Толстого не читаютъ и прежде не читали сочиненій его противниковъ, уже потому, что „тамъ пишется противъ Толстого“ и пишется, по ихъ предвзятому мнѣнію, предумышленно—невѣрно, съ искаженіями, умолчаніями, противъ убѣжденій и т. д. Но въ сочиненіи самаго Толстого они, разумѣется, прочли бы, и если бы Толстой добросовѣстно привелъ всѣ мнѣнія и возраженія своихъ противниковъ противъ его ученія даже съ своими опроверженіями ихъ, то они, конечно, сумѣли бы увидѣть, кто ихъ учитель и куда они дойдутъ съ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ теперешнихъ толстовцевъ, особенно тѣ, которые не жалеютъ быть орудіемъ безшабашнаго анархизма, съ ужасомъ отвернулись бы отъ своего идола, а тѣ, которые, дѣйствительно, „ищутъ правды“, нашли бы то, чего они ищутъ.

Толстой однако не настолько простъ, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ невыгодныхъ для него послѣдствій. И онъ принялъ свои мѣры. Онъ мимоходомъ упомянулъ ¹⁾ о томъ, что много было говорено о его книгѣ и его неправильномъ толкованіи Евангелія; но сейчасъ же прибавилъ, что говорились только такіе пустяки, на которые не слѣдуетъ обращать никакого вниманія... И ученики, конечно, повѣрятъ своему учителю. Говоря объ этомъ, невольно вспоминаемъ слова великаго Апостола Христова: „Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху; и отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. 4, 3—4).

¹⁾ Ч. 1, стр. 47.

III.

Сужденіе Толстого о Церкви.

Главное препятствіе для распространенія своего лжеученія Толстой совершенно справедливо усматриваетъ въ томъ вліяніи, какое производитъ на людей христіанская Церковь. Послѣ этого, понятно, почему онъ съ крайнею раздраженностію, полною непримиримой вражды и безграничной злобы, говоритъ всегда о Церкви и представителяхъ церковной іерархіи. Въ это время его оставляетъ хладнокровіе; онъ выходитъ изъ себя, кощунствуетъ надъ святынями, предъ которыми благоговѣтъ весь русскій народъ, хулитъ, клеветаетъ, извращаетъ самые простые и очевидные факты, становится грубымъ и нахальнымъ. Вѣрить не хочется, чтобы такъ низко могъ пасть „великій писатель земли русской“... Впрочемъ, такое противорѣчіе между ученіемъ и поведеніемъ встрѣчается нерѣдко среди тѣхъ проповѣдниковъ мнимой истины, которые отвергли истину Христову. Шопенгауэру, предъ которымъ такъ восторженно благоговѣтъ Толстой, судя по его письму къ Фету отъ 30 августа 1869 года,—проповѣдь о безстрастіи и нирванѣ не помѣшала такъ приколотить собственными руками г-жу Маркетъ, что она стала неспособною къ труду и судъ заставилъ его въ теченіе двадцати лѣтъ уплачивать ей пенсію для прожитія. Толстой также проповѣдуетъ о великихъ добродѣтеляхъ—непротивленіи злу, любви ко врагамъ и всепрощеніи...

Сначала мы кратко изложимъ сужденіе Толстого о Церкви въ послѣдовательномъ порядкѣ его мыслей; а потомъ уже рассмотримъ это сужденіе въ частностяхъ. „1800 лѣтъ тому назадъ, среди языческаго Римскаго міра, говоритъ Толстой ¹⁾, явилось странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, новое ученіе, *приписавшееся* челоуѣку Христу“... *ученіе, отрицавшее не только всякія божества*,—всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру въ нихъ, *но и всякія челоуѣческія учрежденія* и всякую необходимость въ нихъ. Въмѣсто всякихъ правилъ прежнихъ исповѣданій ученіе это выставляло

¹⁾ Ч. I, стр. 73.

только образец внутренняго совершенства, истины и любви въ лицѣ Христа, и—послѣдствія этого внутренняго совершенства, достигаемаго людьми,—внѣшняго совершенства, предсказаннаго пророками—царства Божія, при которомъ всѣ люди разучатся враждовать, будутъ всѣ научены Богомъ (?) и соединены любовью, и левъ будетъ лежать съ ягненокъ...“¹⁾ „Нѣтъ по этому ученію поступковъ, которые бы могли оправдать чело-вѣка, сдѣлать его праведнымъ...“ „Больше или меньше благо чело-вѣка зависитъ по этому ученію не отъ той степени совершенства, до котораго онъ достигаетъ, а отъ большаго или меньшаго уско-ренія движенія...“²⁾ Но „сз самыхъ первыхъ временъ христіан-ства появились люди, начавшіе утверждать про себя, что тотъ смыслъ, который они придаютъ ученію, есть единый истинный, и что доказательствомъ этого служатъ сверхъестественныя яв-ленія, подтверждающія справедливость ихъ пониманія. Это то и было главной причиною сначала непониманія ученія, а по-томъ и полнаго извращенія его“³⁾. По словамъ Толстого⁴⁾, началось это апостолами на іерусалимскомъ соборѣ, на кото-ромъ были произнесены „въ первый разъ долженствовавшія внѣшнимъ образомъ *утвердить* справедливость извѣстныхъ *утвержденій* эти страшныя, надълавшія столько зла, слова: „угодно Святому Духу и намъ“, т. е., утверждалось,—говорить Толстой⁵⁾,—что справедливость того, что они постановили, засвидѣтельствована чудеснымъ участіемъ въ этомъ рѣшеніи Святаго Духа, т. е. Бога. Но утвержденіе о томъ, что Св. Духъ, т. е., Богъ говорилъ чрезъ апостоловъ,—продолжаетъ Тол-стой⁶⁾,—опять надо было доказать. И вотъ понадобилось для этого утверждать то, что въ Пятидесятницу Святой Духъ въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на тѣхъ, которые утверждали это... Но и сошествіе Святаго Духа надо было подтвердить для тѣхъ, которые не видали огненныхъ языковъ... и понадо-бились еще чудеса и измѣненія (?), воскресенія, умерщвленія

1) Стр. 74.

2) Стр. 75.

3) Стр. 77.

4) Стр. 80.

5) Ч. I, стр. 80.

6) Тамъ-же.

и всё тѣ *соблазнительныя* (?) чудеса, которыми наполнены Дѣянія..“ Такимъ образомъ, по словамъ Толстого ¹⁾, уже ко времени Константина *все пониманіе ученія* свелось къ резюме—къ символу вѣры, въ которомъ значится: вѣрую въ то-то, то-то и то-то и подѣ конецъ—въ единую, святую, соборную и апостольскую церковь, т. е., непогрѣшимость тѣхъ лицъ, которыя называютъ себя церковью, такъ что все свелось къ тому, что человекъ вѣрить уже не Богу, не Христу, какъ они открылись ему, а тому, чему велить вѣрить церковь“. „Но Христосъ никакъ не могъ основать церковь... То, что люди назвали то, что сложилось потомъ, тѣмъ же словомъ, которое Христосъ употреблялъ *о чемъ то другомъ* (?), никакъ не даетъ имъ права утверждать того, что Христосъ основалъ единую истинную церковь“ ²⁾. Мысль, что Христосъ основалъ церковь, по мнѣнію Толстого, опровергается уже тѣмъ, что существуютъ многія церкви—католическая, православная и протестантская, изъ которыхъ каждая только себя считаетъ истинною, а всё другія объявляетъ ложными. Затѣмъ,—рядомъ съ церквями существовали и существуютъ еще такъ называемыя ереси.—Конечно, Толстой становится на сторону послѣднихъ, признавая за ними положительное превосходство предъ церковью. „Въ томъ, что называлось ересью,—говорить онъ ³⁾—и было именно *истинное* движеніе, т. е. *истинное* христіанство, и только тогда переставало быть имъ, когда оно въ этихъ ересяхъ останавливалось въ своемъ движеніи и также закрѣплялось въ неподвижныя формы церкви“. Въ доказательство своего мнѣнія Толстой ссылается даже на авторитеты „ученаго (?) историка христіанства E. de Pressensé въ его „Histoire du Dogme и Готфрида Арнольда—Unpartheyische Kirchen und Ketzler-Historie 1729. Но признавъ истинное христіанство только въ *сектахъ* и *ересяхъ* и—даже не въ одной какой либо опредѣленной ереси, но въ *ересяхъ* вообще,—Толстой, конечно, долженъ былъ отрицать его въ церкви. Такъ онъ и дѣлаетъ. Но мало этого,—онъ идетъ по тому же направленію еще далѣе и, наконецъ,

¹⁾ Стр. 81.

²⁾ Ч. I, стр. 83.

³⁾ Ч. I, стр. 90.

приходить къ заключенію, что христіанская церковь есть самое враждебное христіанству учрежденіе и что ничто такъ много зла не дѣлаетъ людямъ, какъ церковь. „Какъ ни странно это кажется,—говоритъ онъ ¹⁾),—церкви, какъ церкви, всегда были и не могутъ не быть учрежденіями не только чуждыми, но прямо враждебными ученію Христа... Церкви, какъ церкви, какъ собранія, утверждающія свою непогрѣшимость, суть учрежденія противухристіанскія. Между церквами, какъ церквами, и христіанствомъ не только нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени, но это два совершенно противоположныя и враждебныя другъ другу начала... Церковь, кромѣ зла, ничего болѣе людямъ не приноситъ. „Оба Франциска d' Assise и de Sales, нашъ Тихонъ Задонскій, Тома Кемпійскій и др. были, говоритъ Толстой ²⁾),—добрые люди, не смотря на то, что они служили дѣлу, враждебному христіанству, но они были бы еще добрѣе и достойнѣе, еслибы не поддали тому заблужденію, которому служили“.

Послѣ этого Толстой переходитъ въ частности къ сужденію о дѣятельности русской церкви. „Дѣятельность этой церкви, говоритъ онъ ³⁾), состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить 100 милліонной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжитыя, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда—то исповѣдовали чуждые нашему народу люди, въ которыя почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ ложныхъ вѣрованій. Внушеніе народу этихъ чуждыхъ ему, отжилихъ и не имѣющихъ уже никакого смысла для людей нашего времени формулъ византійскаго духовенства о Троицѣ, о Божіей матери, о таинствахъ, о благодареніи (?) и т. п. составляетъ одну часть дѣятельности русской церкви; другую часть ея дѣятельности составляетъ дѣятельность поддержанія идолопоклонства въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова: почитанія святыхъ мощей, иконъ, принесенія имъ жертвъ и ожиданія отъ нихъ исполненія желаній“. Затѣмъ, изобразивъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ совершеніе всѣхъ христіанскихъ

1) Ч. I, стр. 98.

2) Ч. I, стр. 101.

3) Ч. I, стр. 102.

тайнствъ и обрядовъ, Толстой дѣлаеть ¹⁾ слѣдующее заключеніе: „Если человѣкъ можетъ спастись искупленіемъ, таинствами, молитвой, то добрыя дѣла уже не нужны ему. Нагорная проповѣдь,—или символъ вѣры. Нельзя вѣрить и тому и другому. И церковниками выбрано послѣднее; символъ вѣры учится и читается, какъ молитва, и въ церквахъ, а нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ, такъ что въ церквахъ никогда, кромѣ какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, прихожане не слышатъ ее. Да и не можетъ быть иначе, люди, вѣрующіе въ злого и безразсуднаго Бога—проклявшаго родъ человѣческой и обрешаго Своего Сына на жертву и часть людей на вѣчное мученіе, не могутъ вѣрить въ Бога любви. Человѣкъ, вѣрующій въ Бога,— Христа паки грядущаго со славою судить и казнить живыхъ и мертвыхъ, не можетъ вѣрить въ Христа, повелѣвающаго подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить враговъ“ и т. д.

Представивъ также въ каррикатурномъ видѣ ученіе церкви „о томъ, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней:—свѣтъ прежде солнца, что Ной засунулъ всѣхъ звѣрей въ свой ковчегъ и т. п.; что Иисусъ есть тоже Богъ—Сынъ, который творилъ все до времени; что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхъ Адама; что онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ и т. п.“, Толстой думаетъ ²⁾, что въ такое ученіе не можетъ вѣровать „не только образованный, но самый простой человѣкъ нашего времени, набравшійся носящихся въ воздухѣ понятій о геологіи, физикѣ, химіи, космографіи, исторіи“,—и потому приходитъ къ слѣдующему общему заключенію ³⁾: „въ наше время только человѣкъ, совершенно невѣжественный или совершенно равнодушный къ вопросамъ жизни, освѣщаемымъ религіей, можетъ оставаться въ церковной вѣрѣ“.

Наконецъ, самое главное зло въ дѣятельности церкви христіанской Толстой усматриваетъ въ ея вліяніи на религіозно-

¹⁾ Ч. I, стр. 108.

²⁾ Ч. I, стр. 115.

³⁾ Ч. I, стр. 117.

нравственное воспитаніе дѣтей. „Главная и *наизловреднѣйшая* дѣятельность церквей,—говорить онъ ¹⁾),—есть та, которая направлена на обманъ дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей, про которыхъ Христось сказалъ, что горе тому, кто соблазнить единого изъ малыхъ сихъ“.

„Вотъ эта то дѣятельность церквей, внушающая людямъ ложное пониманіе ученія Христа,—такъ заключаетъ Толстой ²⁾ 2-ю главу или параграфъ своего сочиненія,—и служить препятствіемъ пониманія его (въ духѣ Толстого) для большинства людей, такъ называемыхъ вѣрующихъ“.

Изложивъ кратко, но по преимуществу почти подлинными словами Толстого его сужденіе о христіанской церкви, мы невольно поражаемся тѣмъ, какъ искажено и извращено въ немъ все христіанское ученіе. Иногда думается даже, что Толстой говоритъ о чемъ-то другомъ, а не объ ученіи Иисуса Христа. И все это дѣлается безъ всякихъ основаній, голословно, произвольно, даже съ презрѣніемъ къ несомнѣннымъ историческимъ фактамъ, историческимъ свидѣтельствамъ и памятникамъ, требованіямъ здраваго разума и научной совѣсти...

Странное ученіе, явившееся 1800 лѣтъ тому назадъ, по словамъ Толстого, было приписано *человѣку* Христу. Все представленіе объ Иисусѣ Христѣ, какое выработалъ себѣ Толстой и какое онъ ясно изложилъ еще въ предисловіи къ своему лже-евангелію, состоитъ въ слѣдующемъ: „1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то говорилъ; его высѣкли и повѣсили“. Вотъ и все! Толстому нѣтъ никакого дѣла до того, что Христось Самъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ и приписывалъ Себѣ свойства, которыя могутъ принадлежать только одному Богу (Мѡ. 22, 43. 45; Мар. 12, 37; Лук. 20, 42. 44; Иоан. 8, 58; Матѡ. 18, 11. 20; 9, 6; 11, 27, 26, 64; 24, 30 и мн. др.), онъ не придаетъ никакого значенія свидѣтельству Иоанна Крестителя, который, говоря объ Иисусѣ Христѣ и о бывшемъ при Его крещеніи, „свидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій“ (Иоан. 1, 34); для него не важны принятія Иисусомъ Христомъ свидѣтельства отъ Наѡанаила: „Равви! Ты Сынъ

¹⁾ Ч. I, стр. 119.

²⁾ Ч. I, стр. 121.

Божій“ (Іоан. 1, 49), отъ ап. Петра: „Ты—Христось, Сынъ Бога Живаго“ (Матѣ. 16, 16). „Къ кому намъ ийти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни: и мы увѣровали и познали, что Ты Христось, Сынъ Бога Живаго“ (Іоан. 6, 68. 69); народъ неоднократно свидѣтельствовалъ Христу: „истинно Ты Сынъ Божій“ (Матѣ. 14, 33). И Онъ не отвергъ ни одного изъ этихъ свидѣтельствъ. Даже враги Христа, невѣрующіе іудеи, у самаго креста на Голгоѣ, издѣваясь надъ ужасными страданіями Распятаго, свидѣтельствовали: „Онъ сказалъ: Я Божій Сынъ“¹⁾. Даже римскіе язычники—„сотникъ и тѣ, которые съ нимъ стерегли Іисуса, видя землетрясеніе и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Онъ былъ Сынъ Божій“ (Матѣ. 27, 54). Жизнь, ученіе и дѣла Іисуса Христа, Его страданія, смерть и воскресеніе суть такіа неопровержимыя доказательства божественности Іисуса Христа, что уже съ самаго начала распространенія ученія христіанскаго было ясно для всѣхъ, что нельзя, не вѣруя въ божество Христа, быть христіаниномъ. Въ апостольскихъ посланіяхъ, о существованіи которыхъ въ первомъ вѣкѣ знаютъ не только христіанскіе писатели, но и враги христіанскіе—еретики, и которыя, какъ предназначенныя для первенствующихъ христіанъ, конечно, были писаны на совершенно понятномъ для нихъ языкѣ, Іисусъ Христось постоянно называется Сыномъ Божіимъ. (2 Петр. 1, 17; 1 Иоан. 1, 3. 7; 2, 22. 23. 24; 3, 8. 24; 4, 9. 10. 14. 15; 5, 5. 9. 10. 11. 12. 13. 20, 2 Иоан. 1, 3. 9; Римл. 1, 3. 4. 9; 5, 10; 8, 3. 29. 32; 1 Кор. 1, 9; 15, 28; 2 Кор. 1, 19; Гал. 1, 16; 2, 20; 4, 4. 6; Ефес. 4, 13; 1 Сол. 1, 10; Евр. 1, 5; 4, 14; 6, 6; 10, 29), Богомъ (1 Сол. 3, 11; 2 Сол. 2, 16; Тит. 2, 13; Іуды 1, 4 и др.), Спасителемъ нашимъ, Спасителемъ міра, Спасителемъ всѣхъ человѣковъ (1 Иоан. 4, 14; Іуды 1, 25; 2 Петр. 1, 1; 11; 2, 20; 3, 2. 18; Ефес. 5, 23; Филип. 3, 20; 1 Тим. 2, 3; 4, 10; 2 Тим. 1, 9. 10. 1; Тит. 1, 3. 4; 2, 10. 13; 3, 4. 6), Господомъ (Іак. 1, 1; 2, 1; 1 Петр. 1, 3; 2 Петр. 1, 2. 8. 11. 14. 16; 2 Иоан. 1, 3; Іуды 1, 4. 17. 25; Римл. 1, 4. 7; 4, 24; 5, 1. 11. 21; 6, 11, 23; 7, 25; 8, 39; 13, 14; 15, 6; 30; 16,

¹⁾ Матѣ. 26, 43.

18. 20. 24. 1 Кор. 1, 3. 7. 8. 10; 2, 8 и мн. др.), единымъ Ходатаемъ Бога и челоѡковъ (1 Тим. 2, 5), великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ (Тит. 2, 13), единымъ Владыкою Богомъ (Иуды 1, 4), Праведнымъ Судію (Рим. 14, 10; 2 Кор. 5, 10; 2 Тим. 4, 8) и Ему приписываются всѣ божескія свойства. Въ виду этого не можетъ подлежать никакому сомнѣнію истинность свидѣтельства, принадлежащаго перу языческаго администратора Плинія Младшаго, по которому уже въ его время въ самыхъ различныхъ и отдаленныхъ частяхъ Римской имперіи, какъ у бывшихъ іудеевъ, такъ и у бывшихъ язычниковъ, составившихъ новое религіозное общество, совершенно отличное отъ іудейства, „воспѣвали Ему (т. е. Иисусу Христу), какъ Богу, хвалебныя пѣснн“. Ясно, что не вѣровать въ божество Иисуса Христа можетъ только тотъ, кто отвергаетъ подлинность *всѣхъ* новозавѣтныхъ писаній, и для кого не имѣетъ никакого смысла свидѣтельство исторіи.

Какое же основаніе указываетъ Толстой для того, чтобы признавать Иисуса Христа только *человѡкомъ*? Въ разбираемомъ нами сочиненіи онъ прямо не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; но десять лѣтъ тому назадъ въ предисловіи къ своему лже-евангелію онъ могъ сказать лишь слѣдующее: „Ученіе Бога, сошедшаго на землю, чтобы научить людей, по самой сѣли сошествія Бога на землю, не можетъ быть понимаемо различно. Если Богъ сошелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что Онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же Онъ этого не сдѣлалъ, то Онъ не былъ Богъ“... „Для меня совершенно все равно, Богъ или не Богъ былъ Иисусъ Христосъ“... Кажется, что, высказывая эти странныя мысли, Толстой какъ-бы, шутя, издѣвается надъ законами челоѡческаго мышленія: онъ выводитъ заключеніе совершенно противоположное тому, какого требуютъ имъ же самимъ указанная послылки. Возвышенность ученія Иисуса Христа болѣе всего свидѣлствуетъ о его божественности. Если произведенія болѣе совершеннаго челоѡческаго ума не всегда бываютъ доступны для одинаковаго пониманія людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ умственнаго развитія, то что же слѣдуетъ сказать объ откровеніи мудрости

Божественной? Для ограниченнаго и несовершеннаго человѣческаго ума непостижимо ученіе, возвышающее истины ума все совершеннаго и не ограниченнаго. Иисусъ Христосъ изъяснялъ свое ученіе въ самой простой и наглядной формѣ—притчахъ, для которыхъ бралъ всѣмъ доступные и понятные образы пастыря, сѣятеля, виноградаря, распутнаго сына, заимодавца; кромѣ того, Онъ открывалъ Своимъ слушателямъ божественныя истины въ строгой послѣдовательности и постепенности, переходя постоянно отъ легкаго къ болѣе трудному, и это Онъ дѣлалъ именно потому, что признавалъ трудность для слушателей—ограниченнымъ умомъ усвоить Его ученіе, откровеніе безконечнаго Божественнаго Духа,—и все таки въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Онъ долженъ былъ сказать: „Еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину... Утѣшитель, Духъ Святой, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ“. (Іоан. 16, 12, 13; 14, 26). Что ученіе Спасителя не будетъ воспринято и понято всѣми одинаково, объ этомъ ученики знали еще вначалѣ общественнаго служенія Иисуса Христа: „вамъ дано знать тайны Царствія, а имъ не дано... потому что они видя не видятъ, и слыша не слышать, и не разумѣютъ“ (Матѣ. 13, 11, 13). Для пониманія ученія Иисуса Христа мало развитія одного ума, для этого требовалась еще и чистота (неогрубѣлость) сердца (Матѣ. 13, 15), что не всегда требуется для пониманія человѣческой мудрости. Поэтому нужно сказать совершенно противоположное тому, что сказалъ Толстой: возвышенность ученія Иисуса Христа и неодинаковость пониманія его со стороны людей, сами по себѣ, служатъ однимъ изъ доказательствъ того, что преподавшій его былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ, а ученіе его болѣе, чѣмъ ученіе человѣческое. Самъ Иисусъ Христосъ прямо называлъ его ученіемъ, происходящимъ отъ Бога. „Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ,—говорилъ Онъ (Іоан. 12, 48, 50), имѣетъ судію себѣ: слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день. Ибо Я говорилъ не отъ Себя, но Пославшій Меня Отецъ, Онъ далъ Мнѣ заповѣдь, что сказать

и что говорить. И Я знаю, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. И такъ, что Я говорю, говорю, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ“. „Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя: Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творить дѣла“ (Іоан. 1, 4, 10). „Пославшій Меня есть истиненъ, и что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру“ (Іоан. 8, 26). „Ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ, такъ и говорю“ (Іоан. 8, 28). „Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Меня“ (Іоан. 7, 16). „Не любящій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ, слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшаго Меня Отца“ (Іоан. 14, 24).

Самъ Толстой, безъ сомнѣнія, сознаетъ, что христіанское ученіе не могло быть произведеніемъ обыкновеннаго человѣческаго ума. Въ своеобразной передачѣ онъ приводитъ изреченіе Іоан. VII, 17: „Кто хочетъ узнать объ этомъ ученіи—отъ Бога ли оно, пусть исполняетъ его“ (Подлинное изреченіе гласитъ такъ: „Кто хочетъ творить волю Его (Бога), тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю“). По этой же причинѣ въ разбираемомъ сочиненіи¹⁾ Толстой не говоритъ, что это ученіе *преподалъ* человекъ Христось, а называетъ его только „*приписывавшимся* человеку Христу“. Кто же его *приписывалъ*? Почему оно было приписываемо именно человеку Христу, а не кому либо другому? На эти вопросы Толстой не отвѣчаетъ; они для него какъ-бы вовсе не существуютъ. Но этого мало; какъ отвергнуть длинный рядъ историческихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ евангелистамъ, апостоламъ, ученикамъ апостольскимъ, христіанскимъ апологетамъ и писателямъ первыхъ вѣковъ, еретикамъ и литературнымъ врагамъ христіанства, евреямъ-талмудистамъ и даже языческимъ римскимъ писателямъ перваго и начала втораго вѣка—Тациту, Светонію и Плинію Младшему, по единодушному утвержденію которыхъ никто другой, а именно Іисусъ Христось, распятый при Понтіѣ Пилатѣ, *начальникъ* *евры* христіанской, преподалъ людямъ особенное ученіе и учредилъ религіозное

¹⁾ Ч. I. стр. 73.

общество, извѣстное подъ Его именемъ?—Ясно, что утвержде-
ніе Толстого голословно, безосновательно и несогласно съ не-
сомнѣнными историческими свидѣтельствами.

Не признавая Иисуса Христа виновникомъ новаго ученія, Толстой съ своей стороны не указываетъ намъ опредѣленно и того, кто именно возвѣстилъ людямъ это ученіе. Онъ гово-
рить „1800 лѣтъ тому назадъ среди языческаго Римскаго міра
явилось странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, *но-
вое ученіе*, приписывавшееся человѣку Христу“. Но *какъ-же* оно
явилось?—Само собою? дѣйствіе оказалось безъ причины?—
Но такимъ отвѣтомъ удовлетвориться нельзя. 1800 лѣтъ на-
задъ—эпоха историческая. Отъ этой эпохи до насъ дошло мно-
го письменныхъ памятниковъ. Палестина была хорошо извѣст-
на и грекамъ, и римлянамъ, и персамъ, и сирійцамъ. Отно-
сительно такой эпохи и такой страны нельзя ограничиваться
неопредѣленными отвѣтами; разумъ человѣческій требуетъ,
чтобы каждое историческое явленіе было уяснено по закону
достаточнаго основанія и чтобы каждому дѣйствию была ука-
зана его причина. Но Толстой, повидимому, ничего не хочетъ
знать объ этихъ разумныхъ требованіяхъ.

Но что же это за ученіе, странное и новое, которое, по
Толстому, явилось 1800 лѣтъ тому назадъ и приписывавшееся
человѣку Христу?—На этотъ вопросъ Толстой, какъ мы видѣли,
отвѣчаетъ ¹⁾ такъ: „ученіе, отрицавшее не только всякія бо-
жества,—всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру
въ нихъ, но и всякія человѣческія учрежденія и всякую необ-
ходимость въ нихъ“. Итакъ, сущность христіанскаго ученія,
если только здѣсь о немъ идетъ рѣчь, Толстой полагаетъ въ
самомъ грубомъ *нигилизмѣ*—въ отрицаніи *всякихъ* божествъ
и въ отрицаніи *всякихъ* человѣческихъ учрежденій. Это рассу-
жденіе Толстого какъ-то совѣстно даже опровергать; такъ оно для
каждаго здравомыслящаго человѣка до очевидности ложно...

Ученіе, отрицающее бытіе Божіе, — атеизмъ, — не можетъ
быть названо *новымъ* ученіемъ даже и для эпохи, бывшей
1800 лѣтъ тому назадъ. Оно было уже извѣстно Давиду, наз-

¹⁾ Ст. 73.

вавшему, какъ мы знаемъ, всѣхъ атеистовъ безумцами. Правда, римскіе язычники называли безбожниками и христіанъ, потому что, почитая богами своими видимыхъ идоловъ, они не могли понять христіанскаго ученія о бытіи Бога невидимаго и непостижимаго, Бога, какъ всесовершеннаго духа, и потому полагали, что христіане вообще отвергаютъ бытіе Бога. Толстой могъ-бы понять это ученіе, еслибы ему не препятствовало уже напередъ усвоенное имъ чрезъ Шопенгауэра школьно—философское пантеистическое міровоззрѣніе. Для каждаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ содержаніемъ нашихъ каноническихъ евангелій, ясно, что называть христіанское ученіе атеистическимъ, отвергающимъ *всякія* божества, т. е., и бытіе истиннаго Бога, просто нелѣпо. Раскрытіе истиннаго понятія о Богѣ и объ отношеніи Бога къ міру и человѣку—это главный и основной предметъ всего ученія евангельскаго. Кто же, какъ не Христосъ возвѣстилъ людямъ, что „Богъ есть духъ“ (Іоан. 4, 24) и при томъ—духъ личный, самосознающій, любящій и дѣйствующій единственно по Своей волѣ, правдѣ и благодати,—что Онъ всемогущъ (Матѣ. 19, 26; Марк. 10, 27; 18, 27), что Онъ невидимъ и непостижимъ (Іоан. 1, 18), что Онъ вѣченъ (Матѣ. 22, 32; Марк. 12, 26, 27; 20, 38), благъ (Матѣ. 19, 17; Марк. 10, 18; 18, 19), милосердъ и всесовершенъ (Матѣ. 5, 45, 48), всевѣдущъ (Матѣ. 6, 6), что онъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. (Іоан. 3, 16). Толстому, очевидно, хотѣлось бы выдать христіанское ученіе за атеистическое только для оправданія своего собственнаго міровоззрѣнія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ о Богѣ *только для другихъ*, чтобы не оттолкнуть отъ себя своимъ безбожіемъ многихъ изъ своихъ послѣдователей, которые, по совершенно непонятному недоразумѣнію, признаютъ его даже *религіознѣйшимъ* человѣкомъ. (Къ немалому удивленію нашему, таковымъ признаетъ его даже *Страховъ*)¹⁾. Но самъ Толстой въ бытіе личнаго Бога вовсе не вѣруетъ, и подъ словомъ *Богъ*,

¹⁾ А. Гусевъ. Основныя „религіозныя“ начала графа Л. Толстого. К. 1893. Стр. 274—275.

которое онъ часто употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, онъ разумѣтъ нѣчто иное, чѣмъ другіе люди, иногда—*истину*, иногда—вообще отвлеченное пантеистическое понятіе. Въ его *письмѣ къ NN* по этому поводу мы встрѣчаемъ слѣдующее весьма характеристическое разсужденіе: „Всѣ говорятъ, что значеніе христіанства въ томъ, чтобы любить *Бога* и ближняго, какъ самого себя. Но *что такое Богъ?* Что такое любить? Что такое любить *что-то непонятное—Бога?* Что такое ближній? Что такое самъ я? Слова эти *для меня* имѣютъ такое значеніе: *любить Бога значитъ любить истину...* Такъ это *для меня*. Но мнѣ ясно, что *эти ничего неопредѣляющія слова* могутъ быть понимаемы иначе... Какъ это—люби *какого-то Бога*, котораго каждый понимаетъ по-своему, а другіе, и вовсе не признаютъ“... Конечно, Толстой, на основаніи своего пантеистическаго міровоззрѣнія, можетъ отрицать бытіе личнаго Бога, сколько ему угодно; но навязывать атеистическій характеръ христіанскому ученію, отрицающему только ложныхъ, языческихъ боговъ, но небытіе единаго истиннаго Бога, онъ не имѣетъ никакого основанія и даже извращаетъ этимъ самую сущность христіанства. Христіанское ученіе о любви къ Богу въ вышеупомянутомъ письмѣ къ NN—онъ называетъ „просто глупымъ“; но этимъ словомъ было бы справедливо назвать только одно его разсужденіе о христіанскомъ ученіи.

Совершенно неосновательно утверждаетъ Толстой также и то, будто бы новое ученіе, явившееся 1800 лѣтъ тому назадъ (думаемъ, что рѣчь идетъ о христіанскомъ ученіи), отрицаетъ всякія человѣческія учрежденія и всякую необходимость въ нихъ. Въ той же самой нагорной проповѣди, на которую такъ часто ссылается Толстой и которую онъ считаетъ несомнѣнно подлинною, Иисусъ Христосъ признаетъ учрежденія судебныя: „всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ *суду*“ (Матѣ. 5, 22; тамъ же признаетъ Онъ значеніе синедріона: „кто скажетъ брату своему: „рака“, подлежитъ синедріону“. Кроме того Христосъ, какъ мы видѣли уже, признаетъ обязательнымъ платить государственныя и общественныя подати (Матѣ. 22, 17; Марк. 12, 14; Лук. 20, 22); правда, обвиняя предъ Пилатомъ Иисуса Христа, іудеи говорили: „Онъ раз-

вращаетъ нашъ народъ и запрещаетъ давать подать кесарю“ (Лук. 23, 2); но и Пилать увидѣлъ, что это была ложь и клевета. Спаситель признавалъ всѣ учрежденія, установленныя ветхозавѣтнымъ закономъ (храмъ, праздники, крещеніе Іоанна, путешествія въ Іерусалимъ) и даже благочестивые обычаи народныя (Матѳ. 26, 12; Марк. 14, 8), не отвергъ значенія синагогъ и т. п. Толстому, очевидно, хочется навязать христіанскому ученію тотъ социалистическій, или даже анархическій характеръ, какой имѣютъ его собственныя убѣжденія, заимствованныя изъ источниковъ, стоящихъ не только вдали, но и въ явномъ противорѣчьи съ ученіемъ Іисуса Христа.

Весьма трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ Толстой могъ допустить предположеніе, что христіанское ученіе было искажаемо съ самаго начала его появленія въ мірѣ, и что искажали и извращали его именно св. апостолы, непосредственные ученики Іисуса Христа. Но изъ какихъ источниковъ самъ Толстой получилъ свои свѣдѣнія объ *истинномъ* христіанскомъ ученіи?—По его словамъ,—будто-бы изъ Евангелій, написанныхъ апостолами. А гдѣ встрѣтилъ онъ это ученіе уже искаженнымъ будто-бы апостолами?—Въ писаніяхъ тѣхъ же самихъ апостоловъ?... Такимъ образомъ, по Толстому, выходитъ, что одни и тѣ же апостолы въ одно и то же время, въ однихъ и тѣхъ же писаніяхъ предложили своимъ читателямъ и *истинное* христіанское ученіе, и въ искаженномъ ими видѣ!... Можно-ли подобныя заключенія признавать согласными съ требованіями здравой логики?

Но еще болѣе страннымъ представляется разсужденіе Толстого о томъ, что справедливость своего *искаженнаго* христіанскаго ученія апостолы будто бы старались утвердить самыми недостойными и безнравственными средствами—*ложью* и *обманомъ*, что для этого они сначала выдумали „эти страшныя, надѣлавшія столько зла. слова: „угодно Святому Духу и намъ“, а потомъ для подтвержденія этихъ страшныхъ словъ они будто бы придумали разсказъ о сошествіи Св. Духа на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ и о другихъ *соблазнительныхъ* для Толстого чудесахъ,—которыми наполнена книга Дѣяній св. Апостоловъ... Такимъ образомъ, по мнѣнію Толстого, ученики Іисуса Христа, которые ради воз-

вѣщенія людямъ евангельскаго ученія, отказались отъ всѣхъ благъ міра, терпѣли голодь и жажду, и наготу и побои, скитались и трудились, работая своими руками, были злословимы, гонимы (1 Кор. 4, 11—13); эти ученики отсюду притѣсняемые (2 Кор. 4, 8), ужасными страданіями и мученической смертію запечатлѣвшие истину проповѣдуемаго ученія, эти апостолы были будто-бы лишь *обманщиками и лжецами!* Что нужно сказать о человѣкѣ, который дерзнулъ бросить грязью и запятнать высоко нравственный и безукоризненный характеръ св. апостоловъ, первыхъ проповѣдниковъ возвѣщенной Иисусомъ Христомъ божественной истины? Лишь учениковъ Христовыхъ Толстой думаетъ обратить въ шайку сознательныхъ обманщиковъ и лгуновъ! Дѣло распространенія христіанства онъ хочетъ приписать простому обману и пустымъ вымысламъ, относительно которыхъ предварительно состоялся преднамѣренный уговоръ между галилейскими рыбаками. Можетъ ли здравый смыслъ допустить подобныя предположенія? Очевидно, Толстой рѣшился не пренебрегать никакими средствами для достиженія своей цѣли.

По мнѣнію Толстого ¹⁾, Иисусъ Христосъ не только не намѣренъ былъ учреждать церкви на землѣ, но даже и „не могъ основать“ ее. Какъ же послѣ этого понимать слова Христа: „Я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мат. 16, 18)? или о судѣ церкви: „скажи церкви; а если и церкви (согрѣшившій братъ) не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мат. 18, 17)? На эти вопросы Толстой отвѣчаетъ ²⁾, что въ этихъ мѣстахъ слово „церковь“ „Христосъ употреблялъ о чемъ-то другомъ“. Но о чемъ-же именно?—На этотъ вопросъ онъ не даетъ никакого отвѣта. Очевидно, что онъ еще не придумалъ, какъ исказить эти евангельскія мѣста, это изреченія Самого Спасителя о Его намѣреніи основать церковь и о предоставленномъ ей судѣ надъ согрѣшившими членами. Толстой требуетъ, чтобы просто на слово повѣрили ему, что въ этихъ изреченіяхъ Христосъ разумѣетъ подъ словомъ „церковь“ не церковь, а „*что-то другое*“. Но онъ выпу-

¹⁾ Ч. I, стр. 82.

²⁾ Ч. I, стр. 83.

стиль изъ виду, что въ Евангеліяхъ кромѣ самаго слова „церковь“ есть еще прямыя указанія на существенные признаки церкви, таковы: избраніе апостоловъ, данная имъ власть учить и совершать таинства, производить судъ (Матѣ. 10, 1; Марк. 3, 33—14; Лук. 6, 12—13; Матѣ. 28, 19—20; 16, 19; 18, 17; Іоан. 20, 23 и др.). Толстой не обратилъ вниманія своихъ читателей и на то, что кромѣ Евангелій, *написанныхъ апостолами*, и во многихъ мѣстахъ апостольскихъ посланій ясно говорится о томъ, что церковь на землѣ основана именно Иисусомъ Христомъ, освящена Его страданіями и смертію. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ изреченій: „Иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями; далѣе, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія“ (1 Кор. 12, 28). Въ другомъ мѣстѣ вмѣсто слова *Богъ* говорится *Христосъ*. „Христосъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Ефес. 4, 11—13). „Христосъ возлюбилъ церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова; чтобы представить ее Себѣ славною церковью, не имѣющею пятна, или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна“ (Ефес. 5, 25—27). Въ книгахъ Св. Писанія Новаго Завѣта слово „церковь“ употреблено въ 98 мѣстахъ. И по Толстому выходитъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ подъ „церковью“ нужно разумѣть не церковь, а „*что-то другое*“...

Толстой, повидимому, не находитъ достаточнаго количества словъ на русскомъ языкѣ для того, чтобы выразить всю свою враждебность къ христіанской церкви и потому обращается за помощію даже къ Вольтеру, вмѣстѣ съ которымъ обзываетъ ¹⁾ церковь еще и французскимъ словомъ—l'infame (безчестною). По его словамъ, церковь есть источникъ зла и лжи, она мо-

1) Ч. I, стр. 98;

жетъ будто бы причинять одни злодѣянiя, и—ничего хорошаго, такъ что Тихонъ Задовскiй былъ бы добрѣе и достойнѣе, еслибы не принадлежалъ къ христіанской церкви ¹⁾). Истина, по Толстому, заключается не въ церкви, а въ ересьяхъ, потому что главнымъ признакомъ церкви служить ея неподвижность, застой, безжизненность, а существенный признакъ ересей—движеніе, истина же, какъ и истинное христіанство, состоятъ лишь въ безостановочномъ движеніи ²⁾).—Но въ какомъ движеніи—впередъ или назадъ? прямо или въ сторону? Повидимому, Толстой имѣетъ въ виду *первое* движеніе, т. е., впередъ и прямо. Но такое движеніе есть и въ церкви. Правда, божественныя истины, хранимыя въ церкви, какъ истины вѣчныя, *сами по себѣ*, неподвижны, *сами по себѣ*, не имѣютъ нужды ни въ какомъ дальнѣйшемъ движеніи или раскрытіи, выводахъ или добавленiяхъ. Но человѣчество, воспринимая ихъ въ себя и становясь подъ ихъ руководство, находится въ безостановочномъ движеніи; члены церкви постигаютъ эти истины не сразу, но постепенно, достигая и въ жизни все большаго и большаго осуществленiя ихъ. 300—400 лѣтъ тому назадъ члены христіанской церкви не имѣли такихъ точныхъ, ясныхъ, основательныхъ познанiй въ области христіанской религіи, какія имѣютъ многіа изъ членовъ церкви въ настоящее время; религіозное сознаніе у людей взрослыхъ стоитъ на высшей степени развитiя, чѣмъ у дѣтей. Такимъ образомъ, въ церкви, хотя богооткровенныя истины всегда однѣ и тѣ же, какъ вѣчныя и разъ навсегда данныя, но въ нихъ заключаются начала непрерывнаго, безостановочнаго и безконечнаго развитiя человѣчества, начинаемаго на землѣ и имѣющаго продолжаться въ будущей жизни. Эти-то божественныя истины въ своемъ чистомъ и неповрежденномъ видѣ и могутъ быть находимы только въ церкви, которая хранитъ ихъ какъ самую драгоценную святыню. Не то въ ересьяхъ. Тамъ есть движеніе религіознаго сознанiя, но только безъ надлежащей зависимости отъ богооткровенныхъ истинъ; оно уклоняется отъ нихъ и потому всегда искажаетъ или отри-

¹⁾ Ч. I, стр. 101.

²⁾ Ч. I, стр. 76—77, 90—98.

цаетъ ихъ. Тамъ не религиозное сознаніе развивается въ зависимости отъ догматическаго ученія, а совершенно наоборотъ: догматическое ученіе становится въ зависимость отъ религиознаго сознанія и вмѣстѣ съ нимъ постоянно измѣняется, а вслѣдствіе этого оно никогда не можетъ заключать въ себѣ твердыхъ и непреложныхъ истинъ, такъ какъ содержаніе его, завися отъ направленія развитія еретиковъ, всегда будетъ имѣть временный или случайный и разнообразный характеръ и его движеніе будетъ не прямое, а круговращательное.—Истинное христіанство, по словамъ Толстого ¹⁾, состоитъ лишь въ безпрестанномъ движеніи впередъ, а не въ неподвижности церкви. Но къ чему стремится самъ Толстой? Онъ, повидимому, стремится не впередъ, а назадъ,—къ восстановленію того истиннаго христіанства, которое явилось въ мірѣ 1800 лѣтъ тому назадъ, къ тѣмъ истинамъ, которыя, по его словамъ, были „приписаны человѣку Христу“. Не вступаетъ ли чрезъ это самое Толстой въ противорѣчіе съ самимъ собою? Если истина въ ересяхъ,—зачѣмъ ему возвращаться такъ далеко, а отчего не обратиться къ ересямъ, нынѣ во множествѣ распространеннымъ и постоянно умножающимся?

Движенію церковной жизни, по мнѣнію Толстого, предѣлъ положенъ Никейскимъ символомъ вѣры. Но какъ же объяснить то, что движеніе въ церкви, какъ признаетъ Толстой, было во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ, когда также существовали разные символы—помѣстныхъ церквей и отдѣльныхъ отцевъ церкви и даже символъ апостольскій. На этотъ вопросъ у Толстого нѣтъ никакого отвѣта.

Толстой такъ враждебно относится къ Никейскому символу вѣры, что даже выставляетъ ²⁾ слѣдующее категорическое положеніе: „Нагорная проповѣдь или символъ вѣры. Нельзя вѣрить и тому и другому“. Но что такое символъ вѣры? По Толстому, Никейскій символъ вѣры есть ни что иное, какъ „резюме споровъ, происходившихъ на соборѣ“ ³⁾. Но это опредѣленіе совершенно невѣрно. Символъ вѣры есть краткое, но точное

¹⁾ Ч. I, стр. 75 и дал.

²⁾ Ч. I, стр. 108.

³⁾ Ч. I, стр. 81.

изложеніе того вѣроученія, которое содержится въ книгахъ Св. Писанія Новаго Завѣта; отцы собора не только ничего не внесли въ него своего, но даже не употребили ни одного своего выраженія. Символь вѣры весь изложенъ словами Новозавѣтныхъ писаній. Для доказательства этого мы приводимъ его здѣсь съ точнымъ указаніемъ цитатъ или тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, изъ которыхъ отцы собора заимствовали выраженія при составленіи символа вѣры. Желающіе могутъ провѣрить насъ. Вотъ самый текстъ Никейскаго символа вѣры. „*Вѣруемъ во единого Бога Отца* (ср. Іоан. 14, 1; 17, 3; Іак. 2, 19; Евр. 11, 6; Рим. 3, 30; 1 Кор. 8, 6; Гал. 3, 20; Ефес. 4, 6; 1 Тим. 2, 5 и др.), *Вседержителя*, (2 Кор. 6, 18; Апок. 1, 8; 4, 8; 11, 17; 15, 3; 16, 7; 14; 19, 6; 21, 22), *Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ* (Матѣ. 19, 4; Марк. 10, 6; Рим. 1, 25; Ефес. 3, 4; Колос. 1, 16). *И во единого Господа Иисуса Христа* (1 Кор. 8, 6; Іоан. 13, 13. 14; 1 Кор. 12, 3; Филип. 2, 11), *Сына Божія* (Матѣ. 3, 17; Марк. 1, 11; Лук. 3, 22; Іоан. 5, 37, Матѣ. 17, 5; Марк. 9, 7; 2 Петр. 1, 17; Матѣ. 16, 16. 20; 14, 33; Іоан. 6, 69; 1 Іоан. 1, 7; 2, 22; 23; 24; 3, 8. 23; 4, 9. 10. 14. 15; 5, 5. 10. 11. 12. 13. 20; 2 Іоан. 1, 3. 9; Апок. 1, 13; 2, 18; Рим. 1, 3. 4. 9; 5, 10; 8, 3. 29. 32; 1 Кор. 1, 9; 15, 28; 2 Кор. 1, 19; Гал. 1, 16; 2, 20; 4, 4. 6; Ефес. 4, 13; 1 Сол. 1, 10; Евр. 1, 2. 5; 4, 14; 6, 6; 10, 29 и др.), *Единороднаго* (Іоан. 3, 16; 1 Іоан. 4, 9; Гал. 4, 4) *иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ* (1 Іоан. 5, 1; Евр. 1, 5; 5, 5), *Свѣта отъ Свѣта* (Іоан. 8, 12; 9, 5; 1 Іоан. 1, 5), *Блага истинна отъ Бога истинна* (Іоан. 3, 33; 1 Іоан. 5, 20; Рим. 3, 4; 1 Сол. 1, 9; Евр. 9, 14), *рожденна, не сотворенна* (Евр. 5, 5; 1, 5; 1 Іоан. 5, 1), *единосущна Отцу* (Іоан. 14, 11; 17, 10; 10, 30. 36. 38), *Иже вся быша* (Іоан. 1, 3; Колос. 1, 16; Ефес. 3, 9; Евр. 1, 2). *Насъ ради человекъ и нашего ради спасенія* (Іоан. 3, 16, 17; Матѣ. 26, 28; Лук. 22, 19, 20; Марк. 14, 24; 1 Кор. 11, 24; Матѣ. 20, 28; Марк. 10, 45; Іоан. 11, 51; 52; 10, 16; 1 Кор. 8, 11; 15, 3, Рим. 5, 18; 1 Тим. 2, 5, 4, 10; Тит. 2, 11; 1 Сол. 5, 9; 2 Сол. 2, 13; Евр. 1, 14; 2, 10; 1 Петр. 2, 2) *сшедшаго съ небесъ* (Іоан. 3, 13; 6, 62; Матѣ. 26, 64; Іоан. 16, 27. 28;

Ефес. 4, 10); и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшагося (Матѹ. 1, 18. 20; Лук. 1, 35; Іоанн. 1, 14.); Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ и страдавша и погребенна (Матѹ. 27, 26; 60; Марк. 15, 15. 45—46; Лук. 23, 24—25. 52—53; Іоан. 19, 16. 42; 1 Кор. 1, 23; 2, 2. 8; Галат. 3, 1; Апок. 11, 8 и др. 1 Петр. 2, 21; 23; 3, 18; 4, 1; 2 Кор. 1, 5; Евр. 9, 26; 1 Тим. 6, 13; 1 Кор. 15, 4); И воскресшаго въ третій день по писаніемъ (1 Кор. 15, 3—4); И возшедшаго на небеса (Марк. 16, 19; Лук. 24, 51; Дѣян. 1, 9; Іоан. 3, 13; 6, 62; Матѹ. 26, 64; Ефес. 4, 10; 1 Петр. 3, 22); и сядущаго одесную Отца (Марк. 16, 19; Матѹ. 26, 64; 1 Петр. 3, 22; Колос. 3, 1; Евр. 1, 3. 13; 8, 1; 10, 12; 12, 2). И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ (Матѹ. 25, 31—46; 13, 49; 16, 27; Дѣян. 1, 11. 10, 42. 1 Сол. 1, 10; Іак. 5, 7; 8; 2 Петр. 1, 16; 3, 4. 10; 12; 1 Кор. 4, 5; 15, 23; 2 Кор. 7, 7; 1 Сол. 2, 19; 3, 13; 4, 15; 5, 2. 23; 2 Сол. 2, 1. 8; Матѹ. 24, 44; Апок. 3, 11; 4, 8; 22, 12. 20), Его царствію не будетъ конца (Лук. 1, 33); И въ Духа Святаго (Матѹ. 28, 19; 3, 16; Марк. 1, 10; Лук. 3, 21; Іоан. 1, 32; Матѹ. 1, 18. 20; 12, 28. 32; Марк. 3, 28. Лук. 12, 10. Матѹ. 10, 20. Лук. 12, 12; Іоан. 14, 16. 17. 26; 15, 26; 16, 7—15; 20, 22; 1 Петр. 1, 12; 4, 14; 2 Петр. 1, 21; 1 Іоан. 3, 24, 4, 13; 5, 6. 7; Іуд. 1, 20; Апок. 2, 7, 12. 17. 29; 3, 6. 13. 22; 14, 13; Дѣян. 1, 2. 5. 8. 16; 2, 4. 17. 33. 38; 4, 8. 25. 31; 5, 32; 6, 3. 5. 10; 7, 51, 55; 8, 15—19. 39; 9, 17. 31; 10, 19. 38. 44. 45. 47; 11, 12. 15. 16. 24. 28; 13, 2. 4. 9. 52; 15, 8. 28; 16, 6. 7; 19, 2. 6; 20, 23. 28; 21, 11; 28, 25; Рим. 5, 5; 8. 9. 11. 14. 26; 9, 1; 14, 17; 15, 13. 16. 19; 1 Кор. 2, 10. 11. 12. 13. 14; 3, 16; 6, 11. 17. 19; 7, 40; 8, 6; 12, 3. 8. 9. 11. 13; 14, 2; 2 Кор. 3, 3; 5, 5; 6, 6; 13, 13; Галат. 3, 5; 4, 6; Ефес. 3, 5; 4, 4; 30; Филип. 1, 19. 27; 1 Сол. 4, 8; 1 Тим. 3, 16; 4, 1; Тит. 3, 5; Евр. 2, 4; 3, 7; 6, 4; 9, 14; 10, 15), Господа животворящаго (2 Кор. 3, 17; Дѣян. 5, 3. 4; Рим. 4, 17; 8, 11; 1 Кор. 15, 45), Иже отъ Отца исходящаго (Іоан. 15), Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима (Матѹ. 28, 19; 1 Іоан. 5, 7; Матѹ. 3, 16—17), глаголавшаго пророки (2 Петр. 1, 21;

1 Петр. 1, 10. 11). *Во едину святую, соборную и апостольскую церковь* (Матѳ. 16, 18; 18, 17; 1 Петр. 2, 4—8; 1 Кор. 3, 10—12; 12, 28; 14, 4. 12; Ефес. 1, 22; 5, 23. 25—27; 4, 10—13; 2 Кор. 6, 16; 8, 1.; Филип. 3, 6; Колос. 1. 18. 24; 2 Сол. 2, 4; 1 Тим. 3, 15 и др.)... *Исповьдуемъ едино крещеніе во оставленіе грѣховъ* (Іоан. 3, 3. 4; Матѳ. 28, 19; Марк. 16, 16; Дѣян. 2, 38; 10, 47. 48; Ефес. 4, 5; 1 Петр. 3, 21; Рим. 6, 3. 4; 1 Кор. 12, 13; Галат. 3, 27; Колос. 2, 12). *Чаемъ воскресенія мертвыхъ* (Матѳ. 22, 32; Марк. 12, 26; Лук. 20, 37; Іоан. 5, 25; 28, 11, 25—26.; 6, 40, 54; Рим. 6, 5; 1 Кор. 15, 12. 13. 21. 42; Филип. 3, 11; Евр. 6, 2; 11, 19, 35) и *жизни будущаго вѣка* (Іоан. 3, 16; 36; 4, 14; Ефес. 1, 21; 2, 7; Евр. 6, 5; Рим. 2, 7. 5, 21; 6, 2; 7, 10; Гал. 6, 8; 1 Тим. 4, 8; Евр. 7, 16; 1 Іоан. 1, 2; 2, 25; 3, 14; 5, 11; 13, 20 и мн. др.).

Провѣривъ указанныя нами цитаты, читатель, конечно, самъ увидить, что Никейскій символъ вѣры не только вполне согласенъ съ ученіемъ новозавѣтнаго Откровенія, но даже изложенъ словами и изреченіями новозавѣтныхъ писаній; поэтому, когда Толстой утверждаетъ, что нагорная проповѣдь несоединима съ Никейскимъ символомъ вѣры, то этимъ онъ утверждаетъ уже и то, что нагорная проповѣдь Спасителя находится въ непримиримомъ противорѣчій со всѣмъ новозавѣтнымъ Откровеніемъ, съ ученіемъ Іисуса Христа и апостоловъ. Отвергнуть Никейскій символъ вѣры это то-же, что отвергнуть *всѣ* книги Св. Писанія Новаго Завѣта. Толстой, конечно, и самъ это прекрасно сознаетъ; но ему нужно было во что бы то ни стало отрицать истинность вѣроученія, содержащагося въ Никейскомъ символѣ вѣры, потому что онъ, еще раньше знакомства съ христіанскимъ вѣроученіемъ, усвоилъ себѣ ложное школьно-философское міровоззрѣніе (пантеистическое или матеріалистическое—все равно), которое находится въ непримиримомъ противорѣчій съ вѣроученіемъ христіанскимъ. Еще раньше своихъ нападокъ на Никейскій символъ вѣры, онъ, конечно, уже не вѣровалъ ни въ бытіе личнаго Бога, ни въ богочеловѣческое достоинство Іисуса Христа, ни въ бытіе Святаго Духа, ни въ церковь, ни въ таинства, ни въ загробную личную жизнь. Его

нападки на христіанское вѣроученіе суть только слѣдствіе его ложнаго школьно-философскаго міровоззрѣнія, но вовсе—не результатъ серьезнаго изученія книгъ Св. Писанія. Эта-то предвзятость и дѣлаетъ его крайне раздражительнымъ, враждебнымъ и фанатичнымъ, потому что на каждомъ шагу въ божественномъ Откровеніи ему приходится наталкиваться на неустранимыя препятствія и возраженія его собственному міровоззрѣнію, заимствованному изъ враждебнаго христіанству источника. Не умѣя устранить эти возраженія, онъ все больше и больше запутывается въ безвыходномъ для него кругу противорѣчій и, сознавая всю непоправимость своего положенія, съ отчаяніемъ бросается въ разныя стороны, ищетъ помощи въ искаженіяхъ и извращеніяхъ прамого смысла совершенно яснаго евангельскаго текста, готовъ разумѣть подъ самымъ простымъ и понятнымъ словомъ все что угодно, но только не то, что оно значитъ на самомъ дѣлѣ, но видя свою неудачу, онъ раздражается, выходитъ изъ себя и унижается до того, что даже начинаетъ лгать и клеветать...

Изъ безчисленнаго количества примѣровъ, которые ясно доказываютъ справедливость только-что сказаннаго нами, рѣшаемся остановить вниманіе читателя еще на одномъ и,—къ сожалѣнію, далеко не послѣднемъ. „Передъ церквами, говоритъ Толстой ¹⁾, стоитъ дилемма: нагорная проповѣдь или Никейскій символъ—одно исключаетъ другое: если человѣкъ искренно повѣритъ въ нагорную проповѣдь, Никейскій символъ неизбежно потеряетъ для него смыслъ и значеніе и вмѣстѣ съ нимъ церковь и ея представители; если же человѣкъ повѣритъ въ Никейскій символъ, т. е., въ церковь, т. е., въ тѣхъ, которые называютъ себя представителями ея, то нагорная проповѣдь станетъ для него лишняя. И потому церквамъ нельзя не употреблять всѣхъ возможныхъ усилій для затемненія смысла нагорной проповѣди и для привлеченія къ себѣ людей“. Эту же мысль высказываетъ Толстой и въ другомъ мѣстѣ ²⁾: „Нагорная проповѣдь или символъ вѣры. Нельзя повѣрить и тому и другому. И церковниками выбрано послѣднее; символъ вѣры учится и

¹⁾ Ч. I, стр. 120.

²⁾ Ч. I, стр. 108.

читается, какъ молитва и въ церквахъ, а *нагорная проповѣдь* исключена даже изъ чтеній *евангельскихъ въ церквахъ*, такъ что въ церквахъ никогда, кромѣ какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, *прихожане не услышатъ ее*. Да неужели это правда?—можетъ спросить изумленный читатель. Неужели нагорная проповѣдь Спасителя исключена духовенствомъ изъ евангельскихъ чтеній въ церквахъ? Неужели наше православное духовенство скрываетъ отъ своихъ прихожанъ ученіе Спасителя, содержащееся въ нагорной проповѣди?—Къ счастью, ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности, да никогда и быть не могло. Все это обычная у Толстого ложь и клевета, къ которымъ онъ такъ часто прибѣгаетъ для оправданія своего ложнаго и предвзятаго школьно-философскаго взгляда. Если, какъ признаетъ и самъ Толстой, нагорная проповѣдь во всемъ своемъ объемѣ читается только въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе (т. е. въ первые дни страстной седмицы и у гроба умершихъ епископовъ и священниковъ), то по какимъ бы побужденіямъ духовенство скрывало ее отъ прихожанъ въ другое время? Что нагорная проповѣдь изучается въ школахъ на ряду съ символомъ вѣры, въ этомъ читателя можетъ убѣдить любая школьная программа и любой учебникъ по св. исторіи Новаго Завета. Что часть нагорной проповѣди (Матѣ. 5, 3—12) ежедневно въ церквахъ не только читается, но и поется на литургіи (на маломъ входѣ) или на великопостныхъ часахъ (изреченія о блаженствахъ) въ этомъ также убѣдиться нетрудно каждому. Но нетрудно разоблачить ложь Толстого и относительно того, будто-бы нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ. Для этого достаточно только взглянуть въ прилагаемый въ концѣ русской Библии (печатанной въ синодальной типографіи) и каждой Библии славянской— „Указатель евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на все дни года“. Изъ этого „указателя“ видно, что нагорная проповѣдь, по уставу Православной церкви, раздѣленная на зачала, какъ и все Евангеліе вообще, читается въ церквахъ на Божественной литургіи нерѣдко, а именно: въ 8-ю недѣлю по Пасхѣ, т. е., въ недѣлю Пятидесятницы или Сошествія Св. Духа на Апостоловъ (она-же—Троицкая); во вторникъ—Матѣ. 4, 25; 5, 1—

13; въ среду—Матѣ. 5, 20—26; въ четвергъ—Матѣ. 5, 27—32; въ пятницу—Матѣ. 5, 33—41 (о непротивленіи злу); въ субботу—Матѣ. 5, 42—48; на слѣдующей недѣлѣ, которая называется обыкновенно недѣлею всѣхъ святыхъ: въ понедѣльникъ—Матѣ. 6, 31—34; 7, 9—11; во вторникъ 7, 15—21; въ среду—7, 21—23; въ субботу—Матѣ. 7, 1—8; въ слѣдующую недѣлю (2-я недѣля по всѣхъ святыхъ)—въ субботу—Матѣ. 7, 24—8, 4; въ недѣлю мясопустную: въ субботу—Матѣ. 6, 1—13; въ недѣлю сыропустную—въ воскресенье—Матѣ. 6, 14—21; во всѣ дни, посвященные памяти святителей: Матѣ. 5, 14—19; во время безведрія, о умирени и соединени православной вѣры, за творящихъ милостыню и, наконецъ, на всякое прошеніе—Матѣ. 7, 7—11. Эти и даже болѣе подробныя свѣдѣнія Толстой, конечно, могъ бы позаимствовать изъ любого календаря; но онъ не захотѣлъ этого сдѣлать, потому что для него это было бы невыгодно и стѣснило бы его въ достиженіи цѣли—унизить православную церковь, хотя бы явною клеветою и ложью.

Также односторонне судитъ Толстой и о дѣятельности православной церкви. Подъ церковію онъ всегда понимаетъ только одно духовенство; о мірянахъ, наибольшей части церкви, онъ преднамѣренно умалчиваетъ, какъ будто міряне не принимаютъ совершенно никакого участія въ дѣятельности церкви. Но такое понятіе о церкви совершенно невѣрно. По словамъ Толстого ¹⁾, православный катихизисъ (будто-бы) такъ опредѣляетъ понятіе церкви: „Церковь есть основанное Иисусомъ Христомъ общество (?), срединное между собою въ одно цѣлое однимъ божественнымъ ученіемъ и таинствами подѣ управленіемъ и руководствомъ Богоустановленной іерархіи“. Хотя Толстой положительно выдаетъ это опредѣленіе за опредѣленіе православнаго катихизиса и даже отмѣчаетъ его знаками, употребляющимися для обозначенія чужихъ словъ; но въ православномъ катихизисѣ предлагается нѣсколько иное опредѣленіе; а именно въ православномъ катихизисѣ мы читаемъ слѣдующее: „Церковь есть *отъ Бога* установленное общество *человѣковъ*, соединенныхъ *Православною вѣрою, закономъ Божиимъ, священнона-*

¹⁾ Ч. I, стр. 84.

чалемъ и Таинствами“¹⁾. Хотя Толстой, какъ видитъ читатель, и значительно измѣнилъ православное опредѣленіе; но мы не придаемъ этому особеннаго значенія. Достаточно отмѣтить только, какъ легкомысленно онъ относится къ передачѣ чужихъ опредѣленій. Но и изъ приведеннаго имъ опредѣленія ему, по видимому, *можно* было бы усмотрѣть, что церковь состоитъ не изъ одной іерархіи, что къ ней принадлежатъ и міряне, свѣтскіе люди, а если бы онъ справился даже только съ одною исторіею отечественной церкви, то онъ увидѣлъ бы что голосъ мірянъ въ церкви имѣетъ немаловажное значеніе и иногда бывалъ даже рѣшающимъ, отмѣняя распоряженіе іерарха всей церкви,—о чемъ ясно свидѣтельствуетъ, напр., извѣстная исторія лжемитрополита Исидора съ принятіемъ флорентійской уніи, а также и исторія нашихъ юго-западныхъ братствъ, дѣятельность князя Острожскаго и т. п.

— Признавъ церковь, вслѣдствіе ея неподвижности, неспособною произвести что либо доброе и полезное для жизни и отождествивъ ее съ духовенствомъ, Толстой не пожалѣлъ красокъ и приложилъ все свое умѣнье и старанье къ тому, чтобы какъ можно болѣе каррикатурно представить „дѣятельность православной церкви“. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу²⁾. „Дѣятельность этой церкви состоитъ въ томъ, чтобы всеми возможными мѣрами внушить 100 миллионной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжитыя, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда-то исповѣдывали чуждые нашему народу люди, въ которыя почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ *ложныхъ* вѣрованій... Чему старательно, неууступительно, напряженно, вездѣ одинаково учать народъ? Чего отъ него требуютъ, въ силу, такъ называемой, христіанской вѣры? Начну (продолжаетъ Толстой) съ *начала рожденія* (не съ конца рожденія, а съ начала?) ребенка: при рожденіи ребенка учать тому, что надо надъ ребенкомъ и матерью прочесть молитву, чтобы очистить ихъ, такъ какъ безъ молитвы этой родившая

¹⁾ Простр. Христ. Катихизисъ Православныя Каволическія Восточныя Церкви. М. 1889, ст. 41.

²⁾ Ч. 1, стр. 102 и дал.

мать *погана* (?). Для этого передъ изображеніями святыхъ, называемыхъ народомъ (?) прямо богами, священникъ беретъ въ руки ребенка и читаетъ *заклинательныя* (?) слова и этимъ (?) очищаетъ мать. Потомъ внушается родителямъ и даже требуется отъ нихъ подь страхомъ наказанія за неисполненіе, чтобы ребенокъ былъ непременно крещенъ, т. е. обмокнуть священникомъ три раза въ воду, при чемъ читаются *никому непонятныя слова* (?) и совершаются *еще меньше понятныя дѣйствія*—мазанія масломъ разныхъ частей тѣла, стрижка волосъ и дутья и плеванья воспріемниковъ на воображаемаго дьявола. Все это (?) должно очистить ребенка и сдѣлать его христіаниномъ. Потомъ внушается родителямъ, что ребенка надо причастить, т. е.; дать ему подь видомъ хлѣба и вина съѣсть *частицу тѣла Христова* (это новорожденному ребенку-то?), вслѣдствіе чего ребенокъ приметъ въ себя благодать Христа и т. д. Потомъ внушается, что этого ребенка, по мѣрѣ возраста, надо выучить молиться. Молиться—значитъ становиться прямо передъ *досками*, на которыхъ нарисованы лица Христа, Богородицы, Святыхъ и кланяться головой, всѣмъ тѣломъ, а правой рукой со сложенными извѣстнымъ образомъ пальцами дотрогиваться до лба, плечъ, живота и произносить славянскія слова, изъ которыхъ самыя употребительныя и всѣмъ дѣтямъ внушаемыя: Богородица, дѣва радуйся и т. д. Потомъ внушается *воспитываемому*, что при видѣ всякой церкви и иконы надо дѣлать опять то же, т. е., креститься; потомъ внушается, что въ праздники (праздники, поясняетъ Толстой, это дни, въ которые (?) Христось родился, хотя *никто* не знаетъ, когда это было, дни, въ которые (?) онъ обрѣзался, въ который умерла Богородица, въ который принесенъ крестъ, въ который внесена (?) икона, въ который юродивый видѣлъ видѣніе и т. п.), въ праздники надо одѣться въ лучшія одежды и идти въ церковь и покупать и ставить тамъ свѣчи передъ изображеніями святыхъ, подавать записочки и поминанія и хлѣбцы для вырѣзыванія въ нихъ треугольниковъ и потомъ молиться *много разъ за здоровье и благоденствіе царя* и архіереевъ, и за себя и за свои дѣла и потомъ цѣловать крестъ и руку священника. Бромъ этой молитвы внушается еще, что надо каждый годъ, по крайней мѣрѣ одинъ

разъ, говѣть. Говѣть значить, пойти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе своихъ грѣховъ чужому человѣку совершенно очищаетъ отъ грѣховъ; и потомъ *сѣсть съ ложки кусочекъ хлѣба съ виномъ*, что еще болѣе очищаетъ. Потомъ внушается, что если мужчина и женщина хотятъ, чтобы ихъ плотское общеніе было свято, то они должны придти въ церковь, надѣть на себя металлическія короны, выпить *питья* (?), обойти подъ звуки пѣнія три раза вокругъ стола, и что тогда плотское общеніе мужчины и женщины сдѣлается святымъ и совсѣмъ особеннымъ отъ всякихъ другихъ. Въ жизни же внушается, что надо соблюдать слѣдующія правила: не ѣсть мяса и молока въ извѣстные дни, еще въ другіе извѣстные дни (?) служить молебны и панихиды по умершимъ, въ праздники принимать священника и *давать ему деньги* и нѣсколько разъ въ году брать изъ церкви *доски съ изображеніями* и носить ихъ на полотенцахъ по полямъ и домамъ. Передъ смертію же внушается, что человѣкъ долженъ непременно *сѣсть съ ложки хлѣба съ виномъ*, а еще лучше, если успѣетъ помаваться масломъ. Это обезпечиваетъ ему благо въ будущей жизни. Послѣ же смерти внушается роднымъ его, что для спасенія души умершаго полезно положить ему въ руки печатную бумагу съ молитвой; полезно еще, чтобы надъ мертвымъ тѣломъ прочли извѣстную книгу (?) и чтобы въ церкви въ извѣстное время произносили бы имя умершаго. Въ этомъ считается обязательная вѣра для каждаго. Но если кто особенно хочетъ позаботиться о своей душѣ, то по этой вѣрѣ внушается, что наибольшее обезпеченіе блаженства души на томъ свѣтѣ достигается еще тѣмъ, чтобы жертвовать деньги на церкви и монастыри, *обязывая* (?) этимъ святыхъ людей молиться *за себя* (?). Спасительны еще, по этой вѣрѣ, для души хожденія по монастырямъ, цѣлованіе явленныхъ иконъ и мощей. По этой вѣрѣ явленные иконы и мощи сосредоточиваютъ въ себѣ особенную святость, силу и благодать и близость къ этимъ предметамъ: прикосновеніе, цѣлованіе, становленіе свѣчъ къ нимъ, подлѣзаніе подъ нихъ, много содѣйствуетъ спасенію, равно и молебны, заказываемыя передъ этими святынями. И вотъ эта то вѣра (дѣлаетъ Толстой заключеніе изъ сказаннаго), и никакая дру-

гая называется православной, т. е., настоящей вѣрой, подъ видомъ христіанской всѣми силами въ продолженіи многихъ вѣковъ и съ особеннымъ напряженіемъ теперь внушается народу... Все это, и поклоненіе мощамъ, и иконамъ внесено въ богословіе, въ катехизиса; этому старательно учатъ народъ теоретически и практически всѣми средствами торжественности, блеска, авторитета, насилія; гипнотизируя его, заставляютъ его вѣрить въ это и ревниво оберегаютъ эту вѣру отъ каждой попытки освобожденія народа отъ этихъ дикихъ суевѣрій. На моихъ глазахъ, какъ я говорилъ по случаю моей книги, въ продолженіи многихъ лѣтъ ученіе Христа и его собственные слова о непротивленіи злу были предметомъ насмѣшекъ (?), балаганныхъ шутокъ (!?) и не только церковники не противились этому, но поощряли (?) это кощунство; но попробуйте сказать непочтительное слово о *безобразномъ идолѣ, кощунственно развозимомъ по Москвѣ пьяными людьми подъ именемъ Иверской* ¹⁾, и поднимется стонъ негодованія этихъ самыхъ православныхъ церковниковъ“...

Какими же средствами, по мнѣнію Толстого, эта, повидимому, столь странная вѣра распространяется и поддерживается въ народѣ?—Первое и главное средство—это обманъ и притомъ—обманъ огульный, сознательный и наглый. „Меня часто поражало, говорить Толстой ²⁾, это комическое, если бы послѣдствія его не были такъ ужасны, наблюденіе о томъ, какъ люди, сѣдившіеся кругомъ, обманываютъ другъ друга, и не могутъ выйти изъ этого заколдованнаго круга... Архіереи, митрополиты и всѣ высокопоставленные люди прикладываются къ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ. Спросить у архіереевъ и высокопоставленныхъ лицъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, *они скажутъ, что дѣлаютъ для народа (?), а народъ прикладывается потому, что архіерей и высокопоставленные лица это дѣлаютъ“.*

Другимъ, не менѣе же важнымъ, средствомъ распространенія

¹⁾ Съ величайшимъ прискорбіемъ мы воспроизводимъ это кощунственное выраженіе Толстого въ виду того, что его повторяютъ и толстовцы-крестьяне, о которыхъ трудно было до сего времени сказать, гдѣ они научились богохульствовать и кощунствовать такимъ образомъ...

²⁾ Ч. I, стр. 111.

вѣры Толстой признаетъ ¹⁾ „то, что теперь называется гипно-тизаціей“. „Пускаются въ дѣло,—говоритъ онъ ²⁾,—всѣ искусства отъ архитектуры до поэзіи для воздѣйствія на души людей и для одуренія ихъ, и воздѣйствіе это происходитъ непрерывающее“.

Этими-то средствами, по словамъ Толстого ³⁾, духовенство пользуется съ удивительною хитростію и усиліями для того, чтобы „продолжать строить церкви, служить обѣдни, проповѣдовать, учить, обращать, и, главное, получать за это огромное содержаніе (?), какъ всѣ эти священники, пастыри, интенденты, суперинтенденты, аббаты, архидіаконы, епископы и архіепископы“.

Итакъ, Толстой высказалъ такое же сужденіе о Православной Церкви, ея сущности и дѣятельности, какое приходится иногда выслушивать только отъ самыхъ непримиримыхъ враговъ Христовой Церкви,—явныхъ безбожниковъ, нѣкоторыхъ евреевъ и фанатичныхъ сектантовъ, въ числѣ которыхъ въ настоящее время не послѣднее мѣсто занимаютъ именно толстовцы, ученики вполне достойные своего учителя. И приведенное сужденіе Толстого насъ нисколько не удивило: ничего другого отъ него нельзя было бы и ожидать. Мы думаемъ, что и нами и болѣе насъ компетентными людьми уже достаточно доказано, что хотя Толстой и употребляетъ такія слова, какъ: Богъ, Христось, христіанство, но для него это—безсодержательныя слова, или, какъ онъ самъ выражается, „ничего не опредѣляющія слова“, которыми однако-же онъ охотно любитъ пользоваться, чтобы маскировать свои дѣйствительныя убѣжденія и ловить въ свои сѣти людей вѣрующихъ, но не утвержденныхъ еще въ истинахъ христіанской вѣры. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Толстой такой же безбожникъ, какъ и всѣ другіе безбожники, а по своей враждебности къ христіанской церкви онъ превосходитъ, конечно, всякаго еврея, всякаго сектанта, всякаго фанатика. Вотъ почему мы и говоримъ, что отъ Толстого мы никогда и не ожидали иного сужденія о Право-

¹⁾ Ч. I, стр. 118.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

славной Церкви, кромѣ того, какое имъ высказано и какое приведено нами выше.

Что это сужденіе крайне злостно, односторонне, а потому и ложно, что оно вышло изъ человѣческаго сердца, отравленнаго ядомъ самой непримиримой и безграничной вражды,—это должно быть ясно и очевидно для каждаго, кто рѣшится безпристрастно отнестись къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, когда и какой архіерей говорилъ Толстому, что онъ прикладываетъ къ чудотворному образу, не по благоговѣнію своему къ святынь, т. е. не по убѣжденію своему, а изъ одного лицемѣрія, для народа? А о чемъ говорятъ тѣ гнусныя оскорбительныя для религиознаго чувства, грубыя, кощунственныя выраженія, которыя употребляетъ Толстой, говоря о святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи и о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, высоко чтимой святынь всего русскаго народа? „Великій писатель земли русскою“ не имѣетъ въ своемъ запасѣ приличныхъ выраженій, не можетъ говорить о народной святынь, не оскорбляя народнаго чувства!... Вотъ что дѣлаетъ съ нимъ овладѣвшее имъ чувство безграничной вражды и злобы!... Но не будемъ объ этомъ много говорить. Въ этомъ отношеніи Толстой самъ „отъ словъ своихъ осуждается“ (Матѣ. 12, 37). Ибо „исходящее изъ устъ—изъ сердца исходитъ; сіе оскверняетъ человѣка“ (Матѣ. 15, 18). Языкъ—небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Языкъ—огонь, прикраса неправды; языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ восплаемъ отъ геенны; ибо всякое естество звѣрей и птицъ пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ, а языкъ укротить никто изъ людей не можетъ; это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда (Іак. 3, 5—8)...

Какъ мы видѣли, сущность и дѣятельность Православной Церкви Толстой ограничиваетъ лишь молитвословіями и требоисправленіями и потому считаетъ эту дѣятельность Церкви не только пустою, ничтожною, бесполезною, но и вредною. Это сужденіе само по себѣ ложно, но для Толстого оно совершенно естественно.

Толстой не вѣруетъ въ бытіе личнаго Бога. Въ своемъ пи-

смыслъ къ NN на вопросъ: „что такое Богъ?“ онъ прямо отвѣчаетъ, что Богъ—это ничего неопредѣляющее слово“, „что-то непонятное...“ Какой же смыслъ послѣ этого можетъ имѣть для него молитва?—Очевидно,—никакого. Но совершенно иное значеніе имѣетъ молитва для христіанина, вѣрующаго въ бытіе личнаго Бога, Творца, Промыслителя и Искупителя,—Бога, Который возлюбилъ родъ человѣческой несравненно болѣе, чѣмъ родной отецъ любить своихъ дѣтей. Христіанинъ вѣруетъ словамъ своего Господа и Спасителя, сказаннымъ въ нагорной проповѣди, (о которой такъ много говоритъ Толстой): „Просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите, и отворятъ вамъ... Если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него“ (Матѣ. 7. 7, 11). Христіанинъ знаетъ, что и въ прощальной бесѣдѣ Своей съ учениками, Сынъ Божій говорилъ имъ: „если чего попросите у Отца во имя Мое, то сдѣлаю“ (Іоан. 14, 13). „Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ; то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ“ (Іоан. 15, 7) „Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ“ (Іоан. 16, 23; срв. 14, 14). Но нерѣдко Господь говорилъ о значеніи молитвы во время Своего общественнаго служенія и кромѣ нагорной проповѣди, и задолго до прощальной бесѣды: „все, чего ни будете просить въ молитвѣ, вѣрьте, что получите; и будетъ вамъ“ (Марк. 11, 24). Христіанинъ знаетъ, какое благотворное дѣйствіе произвела молитва смиреннаго мытаря, или увѣровавшаго на крестѣ разбойника (Лук. 18, 14; 23, 43). Онъ помнитъ наставленія Спасителя: „Молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ (Матѣ. 5, 44 въ нагорной проповѣди); „если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего Небеснаго“ (Матѣ. 18, 19); „все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите“ (Матѣ. 21, 22). Господь сказалъ даже особую „притчу о томъ, что должно *всегда* молиться и не унывать“, которую Онъ закончилъ словами: „Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, *вопьющихъ къ Нему день и ночь*, хотя и медлитъ защищать ихъ? Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ“ (Лук.

18, 1—8). Кромѣ вышеприведенныхъ, наставленія Спасителя о молитвѣ можно находить еще и во многихъ другихъ мѣстахъ, напр. Матѣ. 6, 5—7; 17, 21; 24, 20; 26, 41; Марк. 9, 29; 13, 19; 14, 38; Лук. 11, 1—4; 21, 36; 6, 28; 22, 40, 46 и др. Кромѣ того, христіанинъ знаетъ, что Самъ Господь часто молился и нерѣдко въ молитвѣ проводилъ цѣлыя ночи (срв. напр. Матѣ. 14, 23; Марк. 6, 46; Лук. 5, 16 и мн. др.), что въ молитвѣ Онъ искалъ для Себя облегченія и предъ наступленіемъ Своихъ страданій, что Онъ молился даже и на крестѣ Своемъ. По примѣру Христа постоянно пребывали въ молитвѣ Его апостолы и другіе послѣдователи (Лук. 24, 53; Дѣян. 1, 14, 24; 2, 42). При этомъ апостолы молились не за себя только, но и за другихъ христіанъ. Такъ ап. Павелъ пишетъ къ Ефесянамъ: „непрестанно благодарю за васъ Бога, воспоминаю о васъ въ молитвахъ моихъ, чтобы Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы, далъ вамъ Духа премудрости и откровенія къ познанію Его“ (Ефес. 1, 16, 17); Филиппійцамъ: „Благодарю Бога моего при всякомъ воспоминаніи о васъ, всегда во всякой молитвѣ моей за всѣхъ васъ принося съ радостью молитву мою“ (Филип. 1, 3, 4); Колоссянамъ: „Привѣтствуетъ васъ Епафрасъ вашъ, рабъ Иисуса Христа, всегда подвизающійся за васъ въ молитвахъ, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всѣмъ, что угодно Богу“ (Колос. 4, 12); Тессалоникійцамъ: „всегда благодаримъ Бога за всѣхъ васъ, воспоминаю о васъ въ молитвахъ нашихъ“ (1 Сол. 1, 2); Тимошею: „Благодарю Бога, Которому служу отъ прародителей съ чистою совѣстью, что непрестанно воспоминаю о тебѣ въ молитвахъ моихъ днемъ и ночью“ (2 Тим. 1, 3); Филимону: „Благодарю Бога моего, всегда воспоминаю о тебѣ въ молитвахъ моихъ“ (Филим. 1, 4). Подобное же ап. Павелъ пишетъ Рим. 1, 10; 2 Кор. 13, 7, 9; Филип. 1, 9; Колос. 1, 3, 9; 1 Сол. 3, 10; 2 Сол. 1, 11; св. Апостоль Іоаннъ Богословъ пишетъ старцу Гаію: „возлюбленный! молюсь, чтобы ты здравствовалъ и преуспѣвалъ во всемъ, какъ преуспѣваетъ душа твоя“ (3 Іоан. 1, 2). Съ другой стороны, возбѣщая христіанамъ, что „много можетъ усиленная молитва праведнаго“ апостолы наставляли ихъ: „молитесь другъ за друга, чтобы исцѣлиться“ (Іак. 5, 16). „Если

кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь“ (1 Иоан. 5, 16). „Прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ“ (1 Тим. 2, 1, 2); „Боленъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавши его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры исцѣлитъ болящаго, и возставитъ его Господь; и если онъ содѣлалъ грѣхи, простятся ему“ (Іак. 5, 14, 15). Мало этого, апостолы просили у христіанъ взаимной молитвы даже и за себя. „Братія! молитесь и о насъ“ (1 Сол. 5, 25). „Молитесь за насъ, братія, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось“ (2 Сол. 3, 1). „Молитесь о насъ... Особенно же прошу дѣлать это, дабы я скорѣе возвращень былъ вамъ“ (Евр. 13, 18, 19). „Умоляю васъ, братія, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовью Духа, подвизаться со мною въ молитвахъ за меня къ Богу, чтобы избавиться мнѣ отъ невѣрующихъ въ Іудеѣ, и чтобы служеніе мое для Іерусалима было благопріятно святымъ“ (Рим. 15, 30, 31). Что же касается молитвы каждаго за самого себя, то апостолы дали намъ наставленіе—молиться непрестанно (1 Сол. 5, 17), молиться во всякое время (Ефес. 6, 18), молиться день и ночь (1 Тим. 5, 5), молиться духомъ и умомъ (1 Кор. 14, 15). Основаніе для христіанской молитвы апостолы прямо указывали въ обѣтованіи Спасителя. „Вотъ какое дерзновеніе мы имѣемъ къ Нему, что, когда просимъ чего *по воли Его*, Онъ слушаетъ насъ; а когда мы знаемъ, что Онъ слушаетъ насъ во всемъ, чего бы мы ни просили,— знаемъ и то, что получаемъ просимое отъ Него (1 Иоан. 5, 14, 15)“. Кромѣ приведенныхъ мѣстъ наставленія св. Апостоловъ о христіанской молитвѣ можно читать еще и въ слѣдующихъ: Іак. 5, 13—18; 1 Петр. 3, 7; 12; 4, 7; Іуд. 1, 20; Рим. 8, 26; 10, 1; 12, 12; 1 Кор. 7, 5; 11, 4—13; 14, 13—15; 2 Кор. 1, 11; 9, 14; Ефес. 6, 18; Филип. 4, 6; Колос. 4, 2, 3; 1 Тим. 2, 8; 4, 5; Филип. 1, 22; Евр. 5, 7; Апок. 5, 8; 8, 3, 4.

Послѣ сказаннаго понятно, почему для истинно вѣрующаго христіанина, для котораго ученіе и примѣръ Господа нашего Іисуса Христа и Его Апостоловъ имѣетъ нравственно обяза-

тельную силу, молитва получает не только глубокий смысл, но и становится внутреннею необходимостью всей его жизни. Безъ молитвы христіаниномъ нельзя быть. Бесѣда любящаго сына съ отцемъ послѣ продолжительной ихъ разлуки представляетъ только незначительную тѣнь того внутренняго блаженства, которое испытываетъ истинный христіанинъ отъ своей искренней и пламенной молитвы къ Богу, которую учителя церкви справедливо называютъ и бесѣдою души человѣческой съ Богомъ. Уже созерцаніе и прославленіе въ молитвѣ безконечныхъ совершенствъ Божіихъ доставляетъ христіанину такое блаженство, о которомъ человѣкъ невѣрующій никогда не будетъ въ состояніи составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе и потому неудивительно, если онъ, не понимая его, и отрицаетъ. Пріятно быть въ присутствіи какого-либо знаменитаго ученаго или высоконравственнаго человѣка и восторгаться его добродѣтелями и достоинствами; его свѣтлымъ умомъ, его обширными познаніями, его прекрасною рѣчью, его нравственными свойствами; но что сказать о томъ блаженствѣ, которое испытываетъ истинный христіанинъ отъ присутствія и бесѣды съ Существомъ всесовершеннымъ—вѣчнымъ, всемогущимъ, премудрымъ, всевѣдущимъ, всеблагимъ, вездѣсущимъ, вседовольнымъ, всеблаженнымъ?... Счастье, радость, жизненные удачи также влекутъ истиннаго христіанина къ молитвѣ, чтобы возблагодарить всещедрого Отца Небеснаго за Его любовь и милости; и съ чувствомъ благодарности въ неразрывной связи находится смиреніе, удерживающее человѣка отъ нравственнаго паденія и во время счастья: онъ не возгордится имъ, не будетъ превозноситься предъ другими, потому что смиреніе подскажетъ ему всегда, что онъ всѣмъ обязанъ благиости Отца Небеснаго, а не своимъ личнымъ достоинствамъ или заслугамъ. Постигнетъ человѣка тяжкое горе, когда люди уже не въ состояніи помочь ему,—невѣрующій впадаетъ въ молодущіе и, не имѣя возможности возложить на кого либо надежду, приходитъ къ отчаянію и часто оканчиваетъ дѣло самоубійствомъ. Иначе ведетъ себя истинный христіанинъ: для него нѣтъ горя, котораго бы онъ не могъ перенести, нѣтъ борьбы, передъ которою бы онъ отступилъ. Онъ знаетъ, что у него есть всемо-

гущій Отець Небесный, Который не может послать ему испытаній такихъ, которыхъ бы онъ былъ не въ состояннн пере-нести; онъ обращается къ Нему съ теплою молитвою и просить, по примѣру Иисуса Христа, чтобы миновала его чаша предстоящихъ страданій, если это возможно; если же невозможно, онъ не возстаетъ противъ воли Божіей, будучи увѣренъ, что Богъ любви не можетъ не вести его къ благой цѣли. „Да будетъ воля Твоя!“ Вотъ почему молитва христіанъ оканчивается, какъ и Геосиманская молитва Спасителя, тѣмъ, что самихъ себя, другъ друга и всю жизнь свою они вручаютъ волѣ Божіей,—Христу Богу. Понятно послѣ этого, отчего, помолвившись, христіанинъ выходитъ изъ храма ободреннымъ, примиреннымъ, съ новыми свѣжими силами, готовымъ вступить въ борьбу съ предстоящимъ ему горемъ... Невѣрующій въ бытіе личнаго Бога никогда не пойметъ того великаго духовнаго наслажденія, которое доставляетъ христіанину молитва, а потому не пойметъ и самого значенія молитвы. Мы не говоримъ уже о томъ, когда человѣкъ получаетъ отъ Бога просимое въ молитвѣ явно чудеснымъ образомъ; христіане знаютъ это и сами, а толстовцы *не захотятъ насъ понять...*

Въ молитвѣ надъ новорожденнымъ младенцемъ Толстой усматриваетъ только какія-то непонятныя *заклинательныя слова* и потому осмѣиваетъ ее. Совершенно иное впечатлѣніе получаетъ въ дѣйствительности мать, слушая молитву, читаемую въ храмѣ при воцерковленнн младенца (полагаемъ, что ее разумѣетъ Толстой говоря о *младенцѣ*). Новорожденный сынъ сталъ отнынѣ предметомъ всей ея горячей, материнской любви, предметомъ всѣхъ ея заботъ, ея надеждъ и чаянн въ будущемъ... Но какая судьба постигнетъ ея дитя? Выростетъ ли оно ей на радость, или на горе? Будетъ ли оно благословлять или проклинать день своего рожденія?... Но вотъ отдаетъ она въ храмѣ въ руки священника дарованное ей дитя, ея счастье, ея сокровище. Посмотрите, съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія и преданности волѣ Божіей она прислушивается къ молитвѣ. Прочтите, что написано въ ея глазахъ, когда она повторяетъ за священникомъ слова молитвы: „Господи Боже Вседержителю... Тебѣ молимся, и Тебе просимъ, Твоею волею